

СМЕНА

1

Владимир Ульянов в юности.
На палубе парохода.

В ГИМНАЗИИ

Из юношеских лет Ильича

I

Владимир Ильич учился в гимназии прекрасно, переходил из класса в класс с круглой пятеркой и первой наградой, окончил гимназию семнадцатилет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их танкину подачи, насхеп, просиная из-за этого ночь, как это делало большинство его товарищей-гимназистов. Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновики, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу—смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, Владимир Ильич никогда (в гимназии) не писал чернилами чернилами—исключительно карандашом. При этом он очинивал ка-

рандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие ивиги. Как только карандаш тушился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику двенадцати-тринадцати лет, очень нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения; я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа заполнялась все новыми и новыми строчками.

Преподавателем словесности у Владимира Ильича и ближайшим оценокним его сочинений был тогдашний директор сибирской гимназии Федор Михайлович Кереский, отец известного эсера. Он восхищался сочинениями Владимира Ильича и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравится в сочинениях Владимира Ильича продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения Владимира Ильича, но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д. они все растерялись.

В своих ученических сочинениях (уже тогда) Владимир Ильич придерживался хорошего правила древних: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

Д. И. УЛЬЯНОВ

II

В старших классах гимназии Владимир Ильич проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которой была заповедна вся его последующая жизнь. Особенно памятно мне время после

окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до отъезда в Петербург.

Весной 1887 года (год окончания Владимиром Ильичем гимназии) мы получили известие о казни старшего

брата. Десяти лет прошли с тех пор, но и теперь я хорошо вижу выражение лица Владимира Ильича в ту минуту и слышу его голос: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И он стал подготавливать себя к тому пути, который, по моему мнению, должен был привести и действительно привел к победе.

Когда мы жили в деревне в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетралями, в укромный уголок сада, где стояли стол и скамейка. Там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он не просто читал книги—он изучал авторы, штудировал их, делал заметки и выписки из книг. Я приходила в тот уголок заниматься с ним языками, и меня, тогда совсем еще ребенка, поражала настойчивость и аккуратность, с какой Владимир Ильич делал то дело, за которое он брался. И такое винули он к себе чувство, что хотелось бы всяких похуканий сделать все на свете, лишь бы он был доволен тобой, лишь бы заслужил его одобрение.

Целью дня проводил Владимир Ильич за книгами, отрываясь только для прогулки и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые так же, как и он, подготавливали себя к революционной работе. Это умение работать, это упрямство сохранилось у него на всю жизнь. И в ссылке и за границей он пользовался каждым свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. Сохранилось много тетрадок и выписок Владимира Ильича, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания было им протрудено. Он всю жизнь учился. Изучал великих мыслителей и живую жизнь, теорию и практику, факты и цифры. Гимназия была только началом.

При всей своей природной одаренности Владимир Ильич не был бы тем, чем он был, если бы не работал так упорно над собой в течение всей своей жизни, начиная с гимназических лет.

М. И. УЛЬЯНОВА

Владимир Ульянов в юности.
В саду, за книгами.

зрелищами) можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне несколько не напоминают римского плебейского пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат сами трудом свое государство. Они «сделали революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают

чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Поэтому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, — конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покроли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери,

ведущие их на простор из тех низменных жилищных условий, которые так мастерски охарактеризованы в «Коммунистическом манифесте».

В эту ночь — был уже поздний час — мы коснулись еще и других тем. Но впечатления об этом беднеют по сравнению с замечаниями, сделанными Лениным по вопросам искусства, культуры, народного образования и воспитания.

«Как искренно и горячо любит он трудящихся!» — мелькнуло у меня в мозгу, когда я в эту холодную ночь с разгореченной головой возвращалась домой.

Из Гусиновки в Москву

Я родом из деревни Гусиновки, Ивановского района, Курской области. Деревня наша от Москвы далеко.

Вот сейчас я сижу у обеденной, в комнате № 26, и пишу статью в журнал «Смена», в которой мне об этом котловане месяца полтора тому назад, ни за что бы не поверила, что так будет.

Наша Гусиновка — деревня хотя и небольшая, но хорошая. Рядом с деревней лес, есть речка, пруды, межа, курение по колосу, как у нас говорят, но чистая, купаться можно. В колхозе у нас народ хороший, работящий.

Я раньше думала, лучше нашей Гусиновки нет деревни.

Потом поехали мы с отцом в Сибирь (он поговор с одним союзком завлаучил). Ехали семеро есуков, выкоше, доехали. Стоит деревушка маленькая в густом, дремучем лесу. В лесу зарево вышло, видится, без руки и ходить опасно. Вызает, волаки выбегает из лесу к самой деревне, своими глазами видел. Лес вест-да шумит, идет в тихую погоду. Я так пришла к лесу, что уверен-ство не хотелось от этого лесного шума и дельных пташек, от зверья, от широкой реки и серебряной рыбы.

А делами мы там вот что: рыбу ловили. Вечером сети поставили, а рано утром выходили на лодке рыбу выбирать. Иной рыб столько наловится, что лодки мало: через край рыба переплывається. Рыба там — сельдь, но очень крупная, но пенная.

Хорошая эта работа — рыбкомом быть. Я даже подумала, не оставить ли мне на новом месте настав-ство. Однако поехал обратно.

А в своем колхозе другая работа ждет. Тоже интересно, Я и папа, и сородичи, и прищипником был, и на мелкотракторе работал, и за конями ухаживал, и на степоде работала, и печку умею топить, я даже обед сварить, а это не только учились. Училися я и само собой. Школу ни разу не пропустила и работать успевала. Это я не хвально, а для тех людей говорят, которые думают, что молодежь должна только учиться. У нас в Гусиновке были такие — все у них из рук валяется. Возьмутся стеречь лошадей — все кони у них разбегутся, ступут за пуг — сами носом землю пахнут... А потом говорят: «Мне труд не с руки, мне лучше головой работать». А сами, однако, учатся не лучше, чем трудятся на «спосредственно» в два «хлопо». Я думаю, у человека должны и руки и голова хорошо работать. У кого руки послабее, у того и голова не варит.

У меня есть товарищ Коля Кириличев. Мы с ним в школе на одной парте сидели, вместе в колхозе работали. Всегда тро-сили, чтобы нас на олену работу ставили. Вместе ходили в ночное, вместе ездили на лодку, старались всегда друг к другу ближе держаться. У нас и другие товарищи, конечно, были, у нас в колхозе ребята дружные.

Мы давно с Кириличевым думаем, что и дальше в жизни будем вместе. Ра-

ботать вместе поступим или поедем куда-нибудь. Мало ли что случится, может, мы путешественниками станем. Он тоже, как и я, любит книги, он мастер на все руки, а учился лучше моего.

Когда мы прочитали о призыве в ремесленные училища и школы ФЗО, мы с ним сразу решили, что нам нужно туда идти. Люди мы здоровые, работы никакой не боимся, поучимся там, и пошлют нас на завод или на фабрику, или дома строить, или посзда водить... Хорошо!

Написали заявления, послали и ждем ответа. Время идет, а нам ничего не пишут. Почтавая уж от нас бегать стала. Издалека кричал:

— Никакого вам письма нету, не приходят!

И решили мы пойти в Алаушанку. От нашей деревни туда двадцать километров.

С самого утра шел дождь, дорогу размыло, грязь, холодно. Попутчиков не

Хотели мы было свернуть: либо мне голы прибавят либо у него отнять, — да побольше. Решили: пусть в разные места, не продадем, а товарищами мы все равно останемся, хоть и разведемся в разные концы. А может, еще и выйдут что-нибудь!

Но ничего не вышло. Меня направили в Москву, а его в Ивановскую область. Я буду электротехником, он — каменищиком. Не знаю, что лучше.

Собрались мы в путь быстро, пришлось ехать в библиотеку недолгими: там «Трех мушкетеров». В Москве дочитал. До станции ехали вместе, а там — в разные, поезда, в разные стороны.

И вот я в Москву. Вот сижу и пишу. В комнате тепло, тихо. Ребят нет, разошлись кто куда: сейчас у нас свободное время. Скоро придут: пора готовить уроки.

Нас в комнате шесть человек. Шесть квартир одинаково. Мы живем в хорошей научной квартире: постели по-красноярмейски. Живо обучились. Утром за три минуты все готово.

Живем мы тут по строгому порядку, как в лагере или как в Красной Армии. Сначала было непривычно. А теперь все идет хорошо, стройно. Это правильно, что у нас тут такая жизнь: мы пополение рабочего класса, мы должны быть дисциплинированными, как рабочий класс. И мы этому привыкли. Я считаю, что к такому порядку должен привычь себя каждый советский человек: смелому, даже если он живет в семье родителей, и они его жалуют и просят чаще отдыхать и поменьше трудиться.

А у иные ребята думают так: разве лодка, а меня еще к тому же уговаривают, чтобы я не работала, что же, буду отдыхать! Так они привычают — бездельничать. Придет время работать, а руки ни к чему не способны.

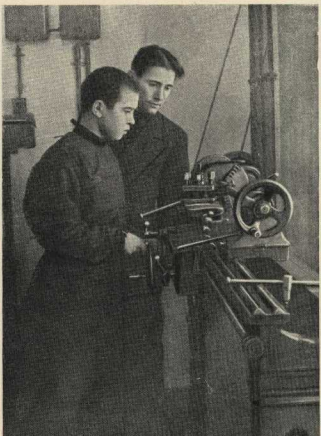
Все время, когда я ехал в поезде, я думала, какое же будет наше училище. Но как и я, ни представляла себе его, все оказывалось иначе.

Наше училище — большое, шестизатяжное дом, много классов и еще больше мастерских и лабораторий. В них всякого-то сложные машины и приборы, какие, я еще рассказать не могу: сам не знаю. Мы пока еще проходим простые вещи. Нам учит лучший московские мастера. Мы начали изучать электромонтажное дело, электротехнику — это из специальных предметов: кроме того мы проходим физику, математику и так далее.

В будущем мы электрики. Я уже сейчас примеряюсь, где может пригодиться моя специальность: спускаюсь под землю, в метро — покажется, тут мне найдется место; поднимаюсь наверх — гуляет трамвай, бежит электрический ток по проводам — и здесь электротехника нужна; прохожу мимо завода — и здесь я смогу пригодиться: захожу в нашу комнату — светом горит электрическая лампочка — и тут электротехника потрудится. Хорошая специальность! Но, между прочим, и каменищиком, как Коля Кириличев, тоже неплохо быть, стараться (один мой товарищ учится на столяра) тоже хорошо...

Иван САМОШЕНКО.

Ремесленное училище № 28, Москва.

Ваня Самошенко работает под наблюдением инструктора П. Ф. Колтышева.

нашлось. Мы поехали, вторых даже хлеба забыли захватить. Пришли, уже стало, попросились к какой-то семье переночевать. Утром пошли узнавать. Узнали, что как раз сегодня комиссия будет отбирать. Это нам повезло. А плохо было вот что: мы узнали, что если нас и призовут, то пошлют в разные школы, потому что мы не одного возраста.

Юность Марфы

«Нет, которая из утратив работ, повела постоих на болота умирать в правую угайную слякоть и зарытых опричниками. Память об утратках и выкуренных воровских деньгах удостоит силы новых борцов и призывает и имя на помощь тысячи помояшников, которых, как Невская, Марфа Яковлева, скажут открыто: мы стоим за братьев!»

В. И. Ленин.

Марфе было пятнадцать лет, когда в революции брат Василья. Под этого ли раскраски по пострадавшим за правку возбудили у нее сочувствие, немного отчуждение, и восхищение, которое было бы чуть-чуть завышенным, дерзкой она хоть на минуту поставит себе вровень с этими героями. Но люди, о которых шла речь — хоть это была подчас знакомые, ненавидящие домик Яковлевых — казались девочке обитателями иного мира, мира подвигов и героизма.

Тут же все произошло с ним, Яковлевым, с их семьей. Вася был своим, всезнающим, удивительным, но своим, родным рыцарем Васей, — и вот теперь его и будет с ним, и мать плачет, разом постарев, и глаза у Василья, как он ни старался, были печальными, когда его уводили, и городские перекопалась окорбительство-трубо, перерыва нишки стола.

Тогда впервые маленькая «картонница» Марфуша еще безотчетно, но очень остро ощутила истинный гнев и удивительное чувство беспомощности, бесцельности заново существа, на которого прет, сменяя его, гнилая сила.

Детство кончилось в тот день, если можно назвать детством лавочную работу на фабрике, жалобы старших девушек на приставные мастера, плач жен, амбарных-вахожих по субботам у мужей поучку, — и в этот устлый быт привнесла Золотухина историю от этого быта, кабы не люди, старшие — в деревянном домике по ветрам, не слова, от которых развалились стены и сердце брата, у самого гола.

Эти люди законили и после ареста брата: курящий, голубоглазый Коста Юшков с Обуховского завода, веселый Коста Иванов — автор являющих частушек, популярный за Невской заставой, творческий человек Машиня. Марфа впитывала их светлые, горячие речи о свободе, за которую надо бороться, о справедливости; эти речи заигрывали душу девушки от мелкой, расчетливой «мушкетерки», которую принято называть житейской.

Марфа росла нетерпимой и по-хорошему гордой. Товарищи брата учили ее глядеть дальше и глубже, видеть причину бед и верить в то, что их можно сменить. С жалким интересом расспрашивала девушка о том, что творится на Обуховском заводе и за стенами его. Жизнь раскрывалась перед ней, вронгоричная, суровая, но с огромным светлым далами — трудная жизнь, произведенная великим ветром.

Весенним ветром повело за Невской заставой с началом ливней. Выше все как будто оставалось попрежнему: заводские гудки, рабочие, заполняющие улицы по утрам, городские — бешенства вояка.

Но уже очевидно было, что с этим «порядком» неблагополучно. Все ошутливее становились глубокое брожение, глупые подпольные толчки, сотрясание этой, пока что прочно налаженной мир. Начавшая было из-за чего бесноваться.

Обуховский — даже Обуховский! — военный завод больше не был твердой опорой правительству. На рабочих ставках все чаще замечались томящиеся бумажки, все ошутливее становившиеся бумажки. По утрам в мастерских оказывались зарождающиеся плашки прокламации. Ядра такого рода были далеко и метались.

Не помогала подкачка разлазненные «картонники» завода. Не свалили ни шипки, ни жидарми, ни слабые либеральничанье

начальника завода Василья. Администрация знала мало, но кое о чем догадывалась. К тому, несомненно, «судорожа» на заводе, и занятия рабочих в воскресной школе вряд ли носили нейтральный характер.

Но что бы ни думало начальство, едва ли оно предполагало, что движение приняло такие размеры.

Марфа Яковлева.

С каждым днем росло число подпольных кружков, большинство из них было тесно связано с ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Ближе к социаль-демократии был и тот женский кружок, в котором состояла Марфа Яковлева.

Накалены были сердца и умы лучших, талантливейших рабочих. В эту наэлектризованную среду ушла «Искра».

Босорожено читала Марфа с подругами вслух воспевающие слова Ленина:

«Перед нами стоит во всей своей силе империалистская крепость, из которой остаются нас тучи ядер и пуль, уносимые дриных борцы. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединит со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянутся все, что есть в России живого и честного.»

Да, империалистская крепость пока еще стояла во всей своей силе.

4 марта 1901 года на Каванской площади казачьи нагайки были по лицу студентом и рабочим. Революционная демонстрация 29 апреля была подавлена в самом начале. На этой демонстрации присутствовали и обуховцы.

Лидя дождя. Демонстранты прятали под пальто сумочки с золотым знаменем. Знамена вывешивала Марфа Яковлева с подругами — «скандинавками».

«Скандинавками» девушек с карточной фабрики называли потому, что рабочие халатили их пальти скандинаром: им смазывали станики.

За Невской заставой в ходу были куплеты с припевом «скандинавские моря». «Скандинавские силы» девушек острими: на язык не пошла бы. Называли Лидя и Марфуша. Но в красных ее глазах никогда до конца не таяла печаль.

Удивительной это была девушка, что-то в ее облике напоминало северную русскую женщину, когда даже самый солнечный, самый ясный день чуть полонит застенчивой грустью. Выстрая, стремительная, иногда она затихала, уходила в себя, точно тучки на ее лицо набегали. После ареста Василья даже ей осталось у матери, две непохожих сестры.

У Марии Яковлевой все было отчуждено по-твоему и взвешено. Работа на текстильной фабрике еще потрудней чем на карточной, вставать надо заранее, но Мария все успевала: и комнату прибрать и книжку почитать. И читала она спокойно, не забывая о том, что таскается вокруг что называть нужно сделать, и шепки у нее не горели. И любила она иначе чем Марфа. Разве могла бы Марфа думать о дорогом ей человеке, не представляя его и себя вместе на баррикадах — в Париже, в Антверпене, и не в Париже, может, здесь, у нас, родно? Подробности от нее ускользали, важно, что обни с Иустиним были вместе, важно общее ощущение удивительного подвига, когда, кажется, только подрагивать — и полететь. Сестре Марфа об этих своих мечтах никогда не рассказывала: за-мечет.

Весенний ветер дул за Невской заставой. События надвигались. Первого мая обуховцы на работу решили не выходить. Но администрация привнесла все меры, и праздник удался лишь пополуночи, многие все же встали к станкам, хоть работами в этот день плохо, возбужденные горячим речам и листовками.

На другой день по заводу пронесся слух: всех кто не вышел на работу уволят. Рассчитать пришлось бы тысячу человек — почти треть Обуховского завода. Начальство пристигло к выношению плана осторожничать: увольнение рабочих поштучно, небольшими партиями. 2 мая за воротами завода оказалось двадцать шесть человек. Тогда самые решительные из тучной и старичной мастеровских предприняли администрацию: «Если еще кто-то с нами рабочий будет считать, — завод забастует».

Садокоричный начальник Василья угодил в отпуски. Заместитель его — Иванов — был десотом промышленным: увольнение рабочих он как бы не замечал. Решено было заступиться за товарищей, бастовать, предъявить администрации серьезные требования: об уменьшении рабочего дня, о признании Первого мая о человеческом обращении.

«Сельмо мая, прости на фабрику, Марфа чувствовала себя необычно. Работать карточными начал как всегда, но тихий слух о событиях на Обуховском заводе шел от станка к станку. Девушки верещались с торжественными глазами, возбужденные. При каждом громко сказанном слове Марфа вздрагивала и перегибалась с погрудью Лидией Бурчестской, хоть и не замечая, что Лидя была осмелевша далеко не обо всем».

До обеда все шло обычным порядком. И только когда над заводом, над «картонными» фабриками, над уланями села Александровского грохот, заржала пожарная сирена и в сантомах к скандинавкам выдвинулся в свайном вооруженный молодежь крича: «Закрывай станки! Уходи с фабрики!» — Марфа и Лидия бросились в улицу.

Решив сирена ушли, Марфа знала, что пусть ее в ход, и оттого, что это был она, Иустин, все происходящее становилось особо правдивым и радужным. Ушли были заруганные народом. Марфа показала, что никогда не видела таких молодых, разгоряченных лиц.

На вид было обмякнутое гуляние. Ребята шутили, шлолмаяса семечкой шушкой. Только полнейские были чересчур суровы, и что-то из ихнего моты, фараонов, и они грубо говорят с прохожими.

Вселяе, а как-то таканное напряжение в воздухе. Марфе хотелось идти быстрее, больше, но пробралось оно к трудом: толпа густела. Мельница яригорская рубишка Аляшгерала из виду. У ивиной «Зеленой роды» группа знакомых ребят. Стоят серьезные. Марфа знала: решено не пусток сегодня рабочих в тракторы, не давать никому напаваться.

Девушки спешили. Знакомый литейщик на ходу, урдышким рассказал им о событиях последних дней. Требования прочитали заметителю начальнику. В одном из пунктов говорилось: «Убрать Иваново». «Этак, вы и министров потребуе убрать?»—кикло усмешился Иванов. «Не толку министров, но и своего паря».

Потом к рабочим вышел Васельево по всей амуниции, на груди желтый иконкаста. Обещала переговорить с министерством. Уехал, по просту удрал. Теперь жалеет полиция.

У шабашком гулянии Марфа остаяномилась. Здесь, видимо, происходило что-то важное. Варгур народ раздался в стороны. По мостовой, тяжело юкаясь комгаты, проходила ситая весенняя лодка без сектора.

Началось. Не умно, а всем сердцем Марфа повила это. Не кижи, не фантастические баррикады— настоящее, живые! Вот они, моласты, у шабашком— сколько их пригнали! На ашадки вперед тягелый, большой, велик, пристав. А по эту сторону— свои, наши. Не прокусайте, опустите шабашку! Так его, так... Это тебе за Васко! За нас! За всех!

— Попадет, шипованная слушнессе, Марфа никак не могла установить последовательности событий. Кто сказал им, что камни лежат возле узкоколейки, что самое нужное сейчас бежать опростелая к труде, наладывая доверху в фартур и как можно скорей обратно? Все делалось как-то само собой... Распоряжались кто-нибудь? Быть может, Анатолий Гаврилов? Она подумала, что это было последнее чередоборье, шипо токаря, его соломенную шляпу. Камни били чужь теплые от солнца, куда все убывала, она попорывала выложить камень из мостовой, сорвала нитку, кто проткнул ей железный ботт:

— На, копей!

Володем лезли в глаза, хотелось их отбросить— руки были заняты.

Чем бы подавать, Лида?

Но Лида божала моты с камнями в переднике, и глаза у нее были такие, каких Марфа никогда не видела.

Потом толпа подалась назад. Все божелали. Кого-то втащи Марфа сразу во двор филиптея. Там все было буднично в первую секунду. Копошились какие-то ребята, куры, земляна вскрикнула, когда толпа хлынула в ворота.

Это был двор дома № 48, обнесенный высоким забором. Он стал их крепостью.

— Оружия-то много, обороняться есть чем!— весело крикнул кто-то.

Последние двора лежали груды камней, листы железа, подованные ботты.

Теперь Марфа не только поводила камнями. Руки у нее сильные, гладь металки. Мимо забор, пригибаясь, провонсая жаандарня. Им в голову, в лица дождом бужликии, кипурки, даже малышки иранские пунт: малышкии стреляют из рогаток.

— Это вам не курекост бить на Казанской! Получай, фараонов шием!

Первая «атака» отбита. Парень рядом с Марфой смотрит на нее одобряюще:

— Зароню, метко бросашь, девушка! Так им! За безмилую кров!

— Разве есть убитье?

Парень обиваясь шаркает о том, что не видела Марфа: как пришли к заводу машины, вызванные Ивановым: «— Не напос, с того берега, с полгозна. Народ не будет стрелять. Они стреляют, а Гаврилов, кто быстрое, кто злодейский! И тут же унял Ванку: горло ему пробило пушкой, Гаврилов вышел вперед, засучил рукава, та-

тирунок показывает. «Ребята!— кричит.— Я сам на флоте служил, и вы службу кончите, может быть, к нам же на завод пойдете!» В третий раз выстрелил похват голыа.

— Это политический злодейский рассказо во дворе дома № 48 заставили пунли. Девушка в синем платочке, охнув, рассыпала камни из передника. Марфа выгнула через реику забор. Полнейские застрелили ее, но в результате в упор стреляли по двору. Ребята, дрогнув, ползали назад.

— Окружили!— крикнул кто-то.

Тут-то у нее, Марфы, нашлись нужные слова. Рабочинная, гневная, встала она перед отступившими:

— Вперед! Ничего не случилось. Постоим за братья!

Весь вечер свои она вложила в этот крик, все ненависть и восторг. И снова их «отряд» вернулся к забору, и в ответ на революционные выстрелы опять полетели в городских камин и дом. Недаром они вызвали Окский полк, полк солдат с винтовками и шапками против безоружных рабочих.

А потом началось то, о чем мучительно вспомнить: полиция хлыла по домам, разыскивая рабочих, бунты, Аресты, божелания, кичеши аресты. К ним, Юковским, набилась ребята— совсем малыши, подростки. Пришла полиция. Стали выводить ребят поочереди. Из-за двери крик: «Дяденька, не бейте! Мы тогда расшалались, верим не выдержали, а Марфину зло взяли. Чего хныкать? Еще ничто не побыло.

Ночью она побожала к Лиде, на Семинский завод. Хотелось рассказать о происшедшем так, чтобы поднялись семинские, заступились за товарищя, за тех, кто взял под стражу, арестован, посажен на баржу.

Ночь была божала. Марфа божала через это сидеть всю ночь, не спать, — точно на крыльях летела: она верела в ту ночь, что все возможно. И в ту же ночь, должно быть, отпала баржа с арестованными. А все-таки на другой день семинские божелали.

Пять дней не была Марфа дома: товарищя урваривали не показывались. Вернувшись, наткнулась в сенях на «Паука» — так звали одного из самых жестоких жаандарней, одного, красного, кода. Неважно вздрогнула: «Пришел по моему душу.

На другой день ее с Лидой вызвали в окрестную суд. Лида не хотела идти: трясло, дрожало, в голову было смутно на сердце, давало вербероба себя. И со следователя держало твердо. «Понимаете ли вы, что делаете! Это все равно, что поащать нож убийце». «Нет, господаи следователи, не все равно: я ашадилка тех, кого убивали».

«Пожалуй, самое страшное в жизни— мелкие унижения. Можно не бояться пунь в шапке, но все сжимается внутри, когда смотришь на эти худые глаза и сквозь тонкие губы цедит надменный человек: «Вы ж красивая, Яковлева. Вас, должно быть, парни любают». И очень тяжело, когда шварют тебе на шею, а поащают рубашку чужую на шаровары, безобразный жаандар и ты же человек, ты арестантка, даже не политическая— уголовница, в камере, где сидит воронку, убийца, проститутка. И извращено, когда тебе говорят с небом: «Все равно не дам са!» Не боюсь. Не жалело. Я не Лида. Я знала, на что шла.»

* * *

Суд над 37 рабочими был комедией в полном смысле слова. Для постановки этого спектакля потребовалось несколько месяцев. Свидетельство божелать внятно, то и дело терпеливо вдавливая роли, но среди них нашлись до того бездарные, что, несмотря на всю вынужку, на суде все же «жарили» по заниске.

Вспоминание было несладким: в течение шести часов рабочие оборонились от конной полиции, матросов, солдат. «Преступники» должны были примерно наказаны, неслабо, что большинство подкулаков было освобождено, но выхаживались из тюрьмы. О правдоподобии обвинения судья заболтался меньше всего.

Глажку я,— дико дождавался один из сви-

детелей.— берет он из подвала этой девушки камень и целится прямо в самую коленку господина пристава... И угродил в левую ногу что ни на есть чашечку».

— Так и старались, господи адвокат, не изводить бесконично.

«Старались воюю и свидетели, и прокуроры, и защита. Защита объяснила героическую оборону Марфы как выходящую из ряда вон по своим качествам: «что яшную девушку в себе способе». Особенно оскорбительно звучали эти слова по отношению к тем, кто прежде всего распорядился преградить доступ яшным».

Спешили «заудать», как можно было уничи, «заудать» жестоко. Измученные ожиданиями, угрозами, истеричным грубой лодкой, люди подчас терпели, а иногда оправдывались. И тут на всю залу зазвенел высокий, подудетский еще голос красной девушки, прозвучавшая слова, сразу подвигшие «дело № 347» на первоначальную стадию: «...многолетняя работа в шахте 7 мая. Я помогла беззастенчиво рабочим отбиться от вооруженной полиции. Но разве это— преступление? Я стояла за братья».

Приговор читали в 5 часов утра... «1901 года, сентября 24—28 дня. По указу его императорского величества...» гудело в зале. «По указу его величества...» 29 человек, а именно: 20 том, кто они отставили свои пана, были осуждены в общей сложности на 107 с половиной лет тюрьмы, каторги, арестантских работ. Восемнадцатилетнюю Марфу Яковлеву приговорили к трем годам тюремного заключения.

И даже тут ухитрились оскорбить. В приговоре было сказано: «Принимая во внимание крайнее ее легкомыслие...»

«И что...» Пусть они называют это легкомыслием. Но разве не о ней, Марфе, говорили люди, которые были сильны и которыми она приняла верить? Разве не к ней обращались в листовку, ходившей по рукам:

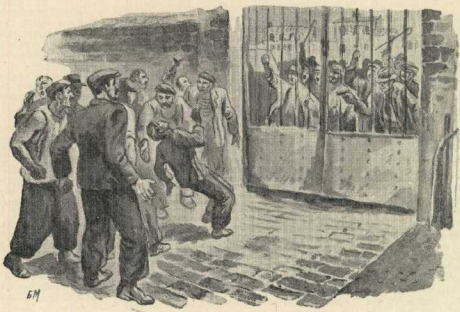
«...Осужденные товарищи! Нам больно, что вы не можете не только извнать нас от доли тяжелой. Будете уверены, что наша борьба и страдания пробудили к сознательной жизни и бесстрашной борьбе много брешанов: людей, которые не боятся тюрьмы, суровой и холодной, и в трудной борьбе вам светит и светит все надежда, что ценю своих страданий вы прильзнили для освобождения всего рабочего класса».

СПБ. Комитет РСДРП

СПБ. «Слово борьбы за освобождение рабочего класса».

Через несколько дней Яковлеву перевели в Литовский замок. Был осенний, ранний, теплый вечер, обнаженные ветви в мгновение нечем-то напоминали весну. Марфа шла между двумя солдатами, они шагали по обе стороны, низкорослые, молоденькие, — со стороны.

Она жалко глядела сирой вольду, может, год им не будет дышать, и домов этих не увидит, и упил. Выгнула на коннойю— глаза у нее голубые, как у Коли Юшковца. И она на нее поговорила: хороша девочка, молодая, красивая, за что такую? Так они заговорили. И шагало само собой, что ковыльные согласились везовозом покурить по улицам. Они иди называли: «а в пролетку и вложила шапку в возики. А другой, голубоглазый, тоже вложил шапку и пошел рядом с арестантской кавальер. И они долго говорили о его родном селе, о как у Коли Юшковца. И они как-то медлен, смехных, по очень важным вещам, и, когда пришла пора возвращаться, она снова старенькие перчатки:— Нет, нет, зачем им шапка? Когда же теперь вылезете?» и протнула она на память. Солдатки сиртал их бережно в карман. Потом подала его товарищи. Она улыбнулась ему и голубоко, как можно голубоко, всей тирой своей улыбкой последний раз, анулила шапки из ножен, сделали каминные листы и повели арестанку, ступа сапогами, в Литовский замок, в тюрьму.

...Тогда раздался выстрел.

ЗАБАСТОВКА

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ПАДЕНИЕ ПАРИЖА»)

В субботу рабочие не стали на работу. Восемнадцать тысяч собрались во дворе, перед литейным мехом.

— Кто против, подымите руку. Были среди рабочих мажоранты, которые угрожали не бастовать: они боялись поворота домашних, голода, разгрома. Но теперь, когда надо было перед всеми признаться в трусости, они ушли молчаливо; не подыняли ни одна рука.

Длинулся к воротам. Тогда раздался зловещий голос Мишо:

— Товарищи, стой! Не уходите. — Он стоял на груннике и, поднеся ко рту рупор, кричал: «Не уходите!» — и как эхо, со всех сторон откликался голос: «Не уходите!» — Товарищи, если мы уйдем, они наберут желтых. Мы должны остаться на заводе, здесь почевать, здесь жить — сутки, недели, месяц, — пока не победим.

Раздался взмученные крики: никто еще не понимал, о чем говорит Мишо:

— Вот так забастовка!

— А жрать что будем?

— Все равно похлебка выгорит...

Мишо продолжал кричать в рупор:

— Вопрос о продовольствии разрешит комитет. Никто нас отсюда не выгонит: ружья корючки! Надо расставить посты. Не подпускать провокаторов. Господа из дирекции мрут уйти домой, издад ми их не пустим. Это правда, товарищи, что такой забастовки не было. А мы покажем.

Принял Мишо, молодой токарь Жаю, влез на крышу корпуса, где помещался дирекция, и повесил красный флаг. Он крикнул с крыши:

— Знамя над крепостью!

Весь день толпы народа стояли на набережной и на улицах, прилегающих к заводу. Три тысячи полицейских в боевых касках, с противоядием, готовились к штурму. Правительств, однако, колебалось, и полицейские отводили душу на женах забастовщиков, которые пытались пробраться к воротам, или на случайных прохожих. Вечером женщины все же провлеклись к заводу. Они привисли хлебу, колбасу, сыр, шинши, вино; некоторые прита-

И в романе «Падение Парижа», над которым и теперь работаю, и хочу назвать июнь. Фронт начался последней войны и во время войны, социальные и политические условия разнятся. Роман начинается с победы вероломного фронта и заканчивается сменением Парижа. В романе будут три части. Первая часть уже написана. Работу над второй и продолжала закончить в 1941 году.

Отрывок, который печатает «Смена», относится к лету 1938 года, когда по воле Франции прокатилась волна забастовок.

АВТОР.

шили мячи для футбола, шахматы, книжки, гитары. Мать Жаю принесла яйца и полшукру. Жаю вместе с другими влез за забор, а мать кричала ему снизу:

— Ты что придумал, бесстыдный! Иди домой спать!

Жаю сконфужено улыбался.

Из анкиверов дирекция только Пьер присоединился к забастовщикам. Директор ему сказал: «Осторожно! Перебегчиков никто не любит.» Пьер ажкнул: «Мой отец, сударь, был рабочим!»

Жаю обратовался, увидев Пьера: раз и Пьер пошел, — значит, победили. Жаю было девятнадцать лет, и он мечтал о бирьядаж, выстрелах, зимних. Ночью завод превратился в военный лагерь: повозку были выставляли караулы. Пьер и Жаю стояли возле главных ворот, глядя на тени полицейских. Пьеру казалось, что он на войне; сейчас неприятель пойдет в атаку... А Жаю шептал:

— Что если нападут? У тебя револьвер есть?

— Есть. Но стрелять нельзя... Надо спрятать Мишо.

Случилось так, что Мишо, дотоле известный только коммунистам да товарищам по пеху, стал сразу вождем. Говорил: «Спроси Мишо, Мишо кричал... Мишо против...»

Вечером музыканты заиграли «Интернационал». Им ответили тысячи голосов, и песни, шедшие из завода, прокатились над полицейскими и в дальние, над рекой, над черными домами встревоженного предместья. Женщинам не спали, прислушивались к далекому вению. Что случит там завтрашний день? Тождо? Кровь?

Счастие? Не спали и забастовщики; под частыми звонками летящей ночи они молча мечтали о победе.

В понедельник вечером, развернув газету, Мишо крикнул:

— И они! Все!

Он не мог говорить от волнения. Газета сообщала, что импрериальная забастовка, которая началась на заводе «Сен», охватила Париж; бастуют все крупные заводы, а их забастовщики сотни тысяч рабочих; забастовали универсальные магазины, вечером они ярко освещены, там затворились продавщицы; в кафе и ресторанах сидят забастовавшие официанты; мелкие чиновники одного из министерств, объявив забастовку, отказались покинуть канцелярию. Газета рассказывала, что рабочие кварталы Парижа опустели; на улицах встречались только женщины и дети.

***

Дессер провел два дня у себя и в поместье. Он выжидал: захват завода показался ему настолько несложным, что он предвидел быструю развязку; или забастовщик, опоминись, разойдетесь по домам, или вспыхнет бунт. В поместье Дессеру сообщила, что забастовка перекинулась на другие предприятия. На следующее утро он поехал в Париж, и не было дойти, когда его машина остановилась перед воротами завода. Молодой рабочий, стоявший на карауле, загородил дорогу:

— Посторонний запрещено.

— Какой же я посторонний? Я представитель административного совета. Дессер.

Рабочий улыбнулся:

— Фамилия довольно знакомая... Но, видя, что ты, господин Дессер, если мы вас пропустили, вы не сможете потом уйти, когда вам придется садиться здесь, пока...

— Пожалуйста.

— Пока господин Дессер не уступит.

Они оба рассмеялись. В душе Дессера дались. Хороша свобода! Что сказали бы господа забастовщики, если бы их не впустили домой?

Дессер не покаялся, что он возмущен; все с той же добродушной улыбкой он заметал:

— Вы остроумный человек, но вам придется меня пропустить.

Рабочий послал товарища к Мише за инструментами и минут пять спустился обратно:

— Можете идти. Увидите, когда выдучаете. Но в шесть вход запрещен во избежание инцидентов.

Дессер прошел по пустым коридорам дирекции. Курьер шел за ним вслед и сокрушено вздыхал.

— Никого нет?

— Все ушли. Еще в субботу. Только господин Дюбуа остался, но он, промолв прощения, с рабочими.

— Минимум осматривает?

— Промолв прощения, но господин Дюбуа забастовал.

Дессер тронно расмешался: значит, и Пьер решил захватить завод!

— Позовите господина Дюбуа.

Дессер спросил Пьера есть, предложил ему шапурко и потом сказал:

— Простите, что я вас потрепал, но у меня к вам один вопрос. Честно отвечайте. Вы что же, решили захватить завод навсегда или на известный срок? Мне надо знать, как расплатиться своим временем...

— Это зависит от вас. Стоит вам подписать условия, и рабочие отходят завод.

— То есть капитулировать? Это не в моем характере. Я предпочитаю повоювать... Желаю вам успеха. Да, и забыл спросить: как здоровье нашей супруги? Очень приятно... Теперь я могу поздравить ваш союз, не правда ли? До свидания.

* * *

Бретель не походил на француза: он не терпел шуток, не любил шарлатан, не пил вина. Маньяками считались все, что не было в парижских салонах казалось чужеземцам... Два года тому назад Бретель понял, что выход из насильственного перерождения. Он присутствовал на заседании тайного общества. Каждый отдел состоял из пятидесяти человек, называемых «верней»; начальная ячейка именовалась «латинское». Для камуфляжа Бретель образовал спортивные кружки и землячества. Дело требовало срочности. Бретель не раз обращался к крупным капиталистам, но наравился на отказ: он говорил не о пропаганде, а об организации «своей» промышленности. События последних недель его окрылили теперь, когда добился миллионов, эти трюсы из «Стального свивачка» оказались проворны!

Бретель направился к «Союзу урюженцев Мена»: там он должен был встретиться с генералом Пикаром. Бретель прошел по Бульвару бульварам, Светлячки витрины; в них были выставлены плакаты забастовщиков, украинские красные ленты. Волде некоторых магазинов стояли девушки с кружками для детей забастовщиков. Один прохожий, зная речь, укорючил язык, другой указал в кружку монету. Когда Бретель протронул кружку Бретелью, он остановился и сурово сказал:

— В лагере вас алачут работать.

Генерал Пикар уже ждал Бретеля. Это был стухонный человек лет шестидесяти, с кривыми ногами, кавалерист, с множеством орденов и с унизительной усмешкой.

Бретель спросил:

— Как у вас?

— Дураки. И трюсы. Бойся, что Вилон начнет чинить штыб.

— Настроение солдат?

— Гнусное. Коммунисты работают вояско. Самое большое, на что мы можем рассчитывать, — это их нейтралитет армии. Я не говорю, конечно, о колониальных частях. Кстати, мне удалось перетянуть два мароканских полка в Венесуэлу.

— Один мароканец мне не вылезет. Я надеюсь только на «верней». Имеется ли возможность: или вы нас снабжаете оружием, или мы берем то, что нам предлагают.

— Кто?

Бретель посмотрел на Пикара и разраженно ответил:

— Важно не кто, а что. Шестидесят тысяч винтовок, четыреста пулеметов, боеприпасы... Притом мы не берем никаких обяза-

тельств, кроме тех, которые вытекают из нашей программы: порядок и мир.

Пикар, подумав, сказал:

— Неплохо. Я лично предпочитаю за такой опирации автоматические ружья. Ну что же касается, Оли не мешает другому? Я тоже захвачу в арсенал...

— Мы должны начать с локальных действий, чтобы дискредитировать правительство.

Они еще долго беседовали. А в соседней комнате, едва освещенной тусклой лампочкой патиса Гриня, поджидал Бретель, анал и напылившим тощит ноги. Это был сирота из воспитательного дома, комму-юзер, развонзаний по провинциальным городам оркестром, прибором, бойким фет, часами бумажными, какой галстук надеять к перелицованному, но тщательно отглаженному костюму, урод, мечтатель о любви прекрасных, истеричек, кавалерийский охотничий мушкетер. Он стал «латинское» первого отряда «верней», и его-то Бретель выбрал для боевой разведки.

— Послепознать, в шесть часов утра «верней» сядут к заводу «Красный кот», «верней». Подойдите незаметно. Вы ступите в переборку с постями. Постарайтесь вызвать столкновение. Если они не начнут, срывать! Я постараюсь, чтобы полиция была беззащитна. Необходимо довести дело до настоящего столкновения. Вы возьмаете? Все «верней» получат билеты «Христианского союза рабочих». О характере операции они не должны знать. Я остановился на вас потому, что у вас нет детей...

— Все будет выполнено, начальник.

Гриня вынул ружья и хотел выйти, но Бретель крепко обнял его:

— Спасибо!

* * *

Было чудесное летнее утро. В садах кричали пичуги; их голосов еще не заглушал шум города. Искривая просекала грузовики по тротуарам. Шли бочушки с длинными хвостами, лавы свежего эластик, велосипеды. Вернее, окаямное состояние как бы внутри теплым розовым светом. «Верней» один за другим подходили к мосту Жавель.

А на завезде это утро, оживающее утро «верней» начали выжидать, жидать. Длинненькие смежили другик. Мишо вволю спал, теперь он малая и фискал, весь в мыльной пене. Волде главных работ Жан шел поперек. Пьер, прокурящий, асвал хлеб; почему-то в голову пришли стихи Верлена: «Войдя заведя рассвета...» А солнце было уже ярким. Кто-то из старых рабочих угромо думал: «Вот и окончательный день! Когда же это кончится!»

— Жано, теперь скажи, как актриса Мистенег сходит по лестнице...

Жано сделал уморительную гримасу, желая показать молодящуюся старуку, и, зашевелив ружьем, начал сходить по пожарной лестнице вниз. Вдруг он вскрикнул:

— Кто там?

Перед воротами толпились какие-то люди.

— Открытый портал.

— Мы пришли наивнимать... Лошари, выходящие отсюда!

— Красное жулье!

Жано не остался в долгу:

— Ах вы, собаки этакие! Желтые! Мы вас детем вымажем.

Жано поставил сотни людей; трудно было разобрать слова. Особенно горничная Гриня. Подбавка к рабочим, он быстро то-то выкрикнул. Его лицо скорчила сулорога; он походил на друга рабочего. Тисетью «верней» урезонить товарищей: дерзость «верней» анал весь из себя.

Все последние дни Мишо оказался являющимся, поставил воле ворот пожарных с нососами. Главное — не допустить столкновения... Он умехался, глядя на Гриня. Подосотии юрочных, Ниди их перекрестат. Успокойте друг друга рабочим. Тисетью «верней» безжалостно. Забастовщики лениво, даже благодушно отругивались. Жано стал перекричать Гриня:

— Вы видите, товарищи, это бешеная выдвошка с макарами...

Тогда раздался выстрел. Жано ужал наизнич, Мишо вынул револьвер из руки Пьера и, покрывая ре толти, крикнул:

— Не смей стрелять! Пускай насоси!

Пожарные обрели «верней» водой. Те разбежались. Только Гриня еще прыгал в ярости, ничего не считая. Потом показались полицейские, и Гриня встал.

Мишо стоял над Жано. Умалбаста... А на являях кричал:

— Дубай!

Смерть этого молодого, веселого человека казалась настолько непонятной, что Мишо вадур крикнул:

— Он глядел на других: может быть, они скажут «нет»? Рабочие стояли вокруг, сияли искрами, и сквозь туман Мишо увидел скривившегося былого лика Пьера.

Гриня, «смутившийся» к реке, забрал под аост; он дрожал от холода и обиды. Какой-то бродяга сказал:

— Обиды!

Гриня плюнул в него. Было одиннадцать часов утра, когда он явился с докладом к Бретелю.

— Убитые есть.

— А одного убили.

— А из «верней»?

— Ничего, они насосали...

— Ни одного? Что же вы наделали? Ведь теперь все сошло!

Гриня не поаял; он тупо посмотрел на Бретеля и ответил:

— Как «латинцы», я отвечаю за жизнь «верней»...

— Ты не скатыва. Ты дурак!

* * *

Мать Жано, Клемаза Дюлоа, была сварливой, но добродушной женщиной, с рваными-рваными волосами, но с длинными, желтыми волосами и с еще живыми глазами былой красавицы. Она ходила по домам, убирала комнаты холостяков, мыла полы, иногда стирала, иногда делала так заработавшая на жизнь. Пржеже было труднее: Жано Клемаза убили незлобно до перемира, и она осталась с двумя малолетками на руках. Много горных работ ушла, а ее семья была бы совсем ужасно — каменным полом, с дынной печуркой и с огромной кроватью, доставляемая Клемазе еще от бабушки. Но те хватало денег на ведерко угля и дегти мерины, то проглатывая штанишки Жано, то надо было купити задушки Аннет. Она все же поставила детей на ноги. Аннет вышла замуж за монтера и уехала в Лион. А Жано ухалось, встретил на ливое «Сюа». Когда это было счастье? В тот день Клемаза даже купила бутылку анкетанского вина. Ведь сколько «вернейских» Жано бродило по длинным улочкам парижских пригородов, от одного звонка к другому, и все наделись помочь, возмужать? Но на все оротех было написано: «Здесь не наивняю».

Не брала даже в ученики. Соседа выдалась, взрывать, а Жано все был бы обманом, и Клемаза глазами не верила, когда Жано принес первую получку.

Она гордилась веселым, бойким мужем, но и боялась за него: насмешливый, всех перемудрявший, перемудряет в драку. Тяне труд но толком полюбят?.. Сколько раз она уже говорила это! Ведь для нее он оставался дитящим, которого не грех и отпущать за глупую проказу. Когда Жано стал ходить на обрантия, Клемаза выполнила: она сердцем почувствовала опасность. Говорила: «Брось! — ругала его, а он отпущивался. Этой весной, Первом, он пропал мимо нее с красным флагом. Клемаза не ходила в церковь: она считала, что если бог и существует, ходя к нему нет... но, увидав Жано с флагом, она снова закорреспондировалась: как мальчик может пропасть...

А потом начелась забастовка, да еще какая! Пржеже бастовали, но тихо, сидели дома, ждали. Эти выдували засветь там. Та гнусно мелили, и Жано начал ходить на работу, угоняровала его вернуться домой; он и слышать не хотел. Каждый вечер Клемаза носила ему яйца, сыр, колбасу. Она не жаловалась, и Жано что с деньгами: ведь не за себя она боялась.

И вот пришла страшная весть... С той минуты она будто онемела. Ни соседки, ни родственники, ни товарищи Жано не услышали от нее ни одного слова. На похороны она шла вперевод и безумно плакала. За нее шла двоюродная тетка Жано с детьми, соседки, а позади — делегация рабочих «Сая» с Мишо во главе. Решено было, что рабочие до победы не покинут завода, и похороны вышли скромными. Хоронили Жано на кладбище пригорода, среди тесных могил с чугунными крестами и бирювыми веночками. Было злобное лето, было утро, было расейды, и птицы заливались. А речей не было: товарищи Жано молча ждали кура Клемаса, один за другим; и только красивые слезы на венке, который держал Мишо, говорили о драме.

Когда делегаты вернулись с кладбища, товарищ Сильвен в зловещем крикнул:

— Эти речи говорят, а других убивают!..

Две недели забастовки сложили много мучений. Женя теперь приходила к воротам не с провизией, но с казачками: деньги вышли, а казачки не отпускают в кредит. Убийство Жано на несколько часов всколыхнуло всех; хотевшие разговаривать с убийцами, и Мишо едва удержал товарищей. Но к вечеру все снова охладело: унылые мысли дома господают; считали, сколько дней уже бастуют; говорили: «А все зря!»... Люди, связанные с дирекцией, уверяли, что завод закрыют до января; вот заводчик говорил, будто панщина превратилась улитками: очистить задание, не допустят газы.

Недоумевая группировался вокруг Сильвена, человека увлекающегося и авторитарного, в начале забастовки он предложил пустить завод и заменить дирекцию выборным комитетом. Когда его высмеяли, он обобщил: «А если так, это дело програно!» Дессеру легко ждать, не вам... Когда жена сказала ему, что у нее не осталось и франка на молоко, он воскликнул: «Надо кончать с этой дурацкой стачкой!» Он говорил истерически, а в голосе часто слышалась слеза. С каждым днем его все охотней слушали.

Дессер был хорошо осведомлен обо всем, что происходило на заводе. Он вторично вызвал Пьера:

— Здравствуйте, дорогой энтузиаст! Заточение вам пошло на пользу: вы прекрасно вы-

глядите. Я хочу передать мои соображения стачечному комитету. Мне говорили, что вы а него ходите. Я принимаю пункты, касающиеся заработной платы и рабочих часов. Я категорически отвергаю коллективный договор и платные отпуска. Если забастовка не кончится, я закрываю завод.

Пьер передал предложение Дессера Мишо. Тот сразу сказал:

— До утра ни слова. Завтра соберем всех, проголосуем.

А Сильвен не терпел времени. Своим «соглашениям» гуляло по двору, по полям, волную людей, измученных долгим бездельем, скопавшихся по семьям, встревоженных расклевками близких о нужде. Достойно подписали соглашение — и сразу конится собачья жизнь! Сильвен напугался: «Скрывают... Им что? Политик!.. А наши с голоду слухнут...»

Под вечер положение стало угрожающим. Говорили, что в девять вечера состоится собрание, организованное Сильвеном, проголосует соглашение. Пьер был духом, считая, что все програно; да и не один Пьер. Мишо старался держаться стойко, даже шутки. Но стоило ему дойти до больших усилий. Себе он говорил, что вырваться может только чудо.

Когда стемнело, он сказал Пьеру:

— Слышишь, я на час уйду. Никому не говорите: скажут: удрал!

— Ишь куда! В комитет?

— Мишо не ответил.

Клемас сидела у пыльного окна, неподвижная, похочая на мертвый кулак. В комнату вошел Мишо; он осторожно взял красную, распухшую руку Клемаса. Он хотел говорить, но не мог. Он пришел к этой женщине за помощью, но ее горе обдало его, как горячий туман. Он забыл все затверженные слова. Он забыл о забастовке, о Сильвене, о соглашении: перед ним была мать товарища. Он начал говорить о Жано; как он шутка за несколько минут до смерти, об его неселье, нуждстве. Он рассказывал горько и неясно; никогда еще он не говорил с такой мукой.

Смеркалось, Клемас не зажгла свечки; и в темной комнате ожил Жано: здесь он рос, играл на полу с кубиками, готовил уроки, рассказывал матери о товарищах, о демонстрациях, о стачках с полнейшими, Клемас нум-

стоваля, как короткая, но пыльная жизнь запечатлелась в эту жизнь, продолжалась там, на заводе... Так сильно было опущение сознания, родства мертвого Жано с этим неизвестным ей человеком, что она в страхе подумала: «И еще убью! Или все отчаянысь...»

Мишо вдруг замолк; он вспомнил завод.

Пьера... Он встал:

— Помогите!..

Тогда Клемас, ни о чем не думая, пошла с ним.

На дворе завода собрались все рабочие, как в черной толпе. Сильвен воспользовался отсутствием Мишо. Он заявил, будто дирекция приняла требования рабочих, а комитет это скрывает. Когда Мишо появился к толпе, провозгласил: «Соглашение! Со всех сторон кричали, что большинство за соглашение. Трудно было проверить, так им это: руки то подымались, то опускались; многие не знали толком, за что они голосуют; возбуждение и растерянность овладела всеми.

Возвратившись на грузовик, Мишо крикнул:

— Товарищи, погодите!

— Сильвен его преврал!

— Хватит! Еще проголосовали!

Мишо не сдавался:

— Все мотыг выскателось, голосовать. А один молчит — Жано. Вы что, забыли про него? Жано замес. С нами. За Жано будет говорить его мать.

Настала глубокая тишина. Потеря Жано была свежей, и горе матери нависло над всеми. А на грузовик поднялась старая женщина с красными, заплаканными глазами, с косыми седых волос. Она молча подняла кулак: так делал Жано, когда шел с товарищами на собрание... Клемас хотела что-то сказать, шепеляла губами; но не смогла. А кулак дрожал над толпой; и в ответ поднялись кулаки всех. Когда Мишо сказал: «Кто за соглашение, пусть поднимет одну руку не опуститесь. Даже Сильвен голосовал за забастовку: на него глядели глаза Клемаса.

Потом Клемас сказала:

— Я теперь здесь останусь. Вместе Жано... Она ласково поглядела на Мишо и добавила:

— Ты к воротам не ходи: убьют...

Три дня спустя Дессер возложил министру: — Я решил принять их условия. Препротивно, но у нас срочные заказы. И потом — побеждает тот, кто умеет отступать.

На девятнадцатый день, в семь часов вечера, соглашение было подписано. Завод «Сая» открыл бой, за ним последовали другие, и его победа означала победу всех; а течение дня поступали сведения о канитациях других предприятий.

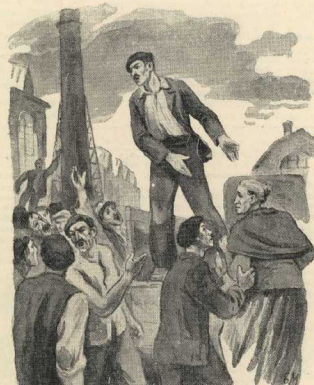
В восемь вечера рабочие «Сая», выстроившись в колонии, с музыкой, с флагами после трехнедельного добровольного заточения покинули задание завода. Впереди шли Клемас и Мишо. Дистанция тысяч людей радостно встречали победителей; здесь были семьи забастовщиков, жители квартала, делегаты различных союзов. Надвигались летние сумерки; в еще светлом небе казались веревки, заводы, и голубые огни казались непонятными среди золота заката. Праздничная толпа зашла на улицы, террас кафе. Рабочих приветствовали, совали им цветы, угощали пивом.

Мишо поддерживал Клемаса. События последних дней ее надломляли, и она едва держалась на ногах. Она привякнула к Мишо, следила за ним материнским взглядом. Вот сейчас они расстанутся. От победы по спине заведет, будет, как Жано, бегать на собрания, кричать, пока не убьют его. А она вернется в опустевшую комнату с каменным полом и большой кроваткой.

Клемас вдруг сказала:

— Почему не женишься? Все-таки лучше. А то бегаешь один... Убьют, и плакать никому будет. Нехорошо...

Мишо сконфузило улыбающе. Дернула были перинка из белом, как начерченная. Сияла дымка покрывала Сону. Послову Мишо мерещилось знакомое лицо: это Девиз встачада его, улыбающаяся, сжимала укадрой руку.

— За Жано будет соорить его мать.

Клуб «Смены»

Дорогие читатели!

Приглашаем вас в клуб «Смены». Некоторые из вас уже бывали здесь и прощали себя, но иначе теперь узнаете его существование. Поэтому мы повторим то, что говорили при открытии клуба.

Когда, в клуб «Смены», не смущаясь расстоянием, могут приходить старшие товарищи нашей средней школы, это можно считать делом, а не спортом, как считают себя к труду и обороне родины, к самостоятельной жизни ваши сверстники; здесь можно подняться своими наблюдениями и поразмышлять о самых разнообразных явлениях школьной жизни; поговорить о том, что волнует нас и сердце, поговорить о кино, спектаклях.

Старшие товарищи тоже будут приходить сюда, чтобы побеседовать с вами.

Нет нужды переключать все, что будет происходить здесь. Постарайтесь сами сделать встречу в клубе как можно интереснее и содержательнее.

Завтра в строй...

Однажды, забывая к своему товарищу Никите Гуревичу, я увидел у него две пары только что купленных боксерских перчаток. Очень уж захотелось обзавестись ими, и я предложил другу:

— Давай попробуем.

Мы пошли в дальний угол двора. Здесь никто нас не видел. В узком проходе между заборами и стеной дома, где раньше было дерево, как следует разувшись, мы провеси бокс в два раунда.

Эта наша первая «товарищеская встреча» проходила по всем правилам боксерского искусства. Мы наносили друг другу удары, благодарили их, танцевали на мягкой земле двора. Я работал на вы-

тупой руке, применяя чаще всего джеб — прямой удар с локтя. Никита же старался все время войти в инфайтинг — ближний бой, — проходил кроки справа и слева. Конечно, далеко не все мои удары были «выстрелами». Все же я чувствовал, что преимушество на

моей стороне. Да это и понятно: я уже год занимался в юношеской секции бокса общества «Спартак», а Никита — всего несколько месяцев. Но в этой схватке я еще раз убедился, как окреп Никита. Твердые мышцы, хорошее дыхание, легкие, гибкие движения гимнаста — во всем видна была хорошая тренировка. А я помню, как однажды, четыре года назад, на

уроке физкультуры к шести подосел уползший мальчик, как, неуверенно обхватив шесть руками и обвив его дрожащими ногами, он лопнул над самой землей, не имея сил подняться. Это и был Никита Гуревич.

Мы не хотели обижать товарища, но удержаться от смеха было невозможно. Никита промолчал, хотя самолюбие его было задето. С того дня его часто можно было видеть карабкающимся по шесту. Упорно добивался он успеха. И настоял-таки на своем. Руки его окрепли, легко и свободно, на зависть всем нам, стал он подыматься по шесту до открытого С. Этого времени Никита занесервисовал спортивную жизнь школы, начал уделять много времени гимнастике, лыжному спорту, легкой атлетике. А сейчас, перейдя в 10-й класс, занялся боксом.

Почему нас обоих привлекает этот вид спорта?

В этом году мы окончили школу и станем в ряды нашей Красной Армии. Боев Красной Армии должен быть сильным, выносливым, смелым, решительным, а бокс помогает развивать эти качества, воспитывает волю к победе, быстроту реакции и умение быстро принимать решения, укрепляет нервы, сердце, дыхание.

Регулярно через день мы занимаемся в юношеской секции бокса общества «Спартак». 30 минут всегда отводится гимнастике, потом мы разучиваем приемы бокса и работаем в перчатках. Обязательным упражнением является боксирование в беге. Это замечательная игра, укрепляющая все мышцы тела.

Возвращаясь к занятиям, чувствуешь какую-то особенную бодрость, свежест.

Конечно, начал мы не с бокса. Под руководством замечательной нашей школы Тихона Николаевича Красовского мы за последние годы научились бегать, прыгать, плавать, добились успехов в гимнастических упражнениях, хорошо изучили винтовку, усердно прокатываемся в стрельбе. В этом году мы с Никитой стали инструкторами ПВХО и обучаем этому делу своих младших товарищей по школе. Увлекаемся лыжками.

Обычно наша школа тут же не каждую неделю устраивает военизированные походы на лыжах. Ходим и на 10 и на 35 ки-

лометров. Часто идем без дороги, ориентируясь на местности. Так требует Тихон Николаевич. Но прибавить в называемый пункт нужно точно — срок: опоздание значитается как поражение. Мы пересеем овраги, путь лежал через болота, болота. Сухая сосна, торфяник из смолы, кусты целлюлозы за лыжи, палки, но мы не останавливаемся.

Бывает, в болотин просачивается вода, ноги застревают, ремень крепления вытруг козы, но отстать

нельзя: это задержит товарищей, которые задержат, конечно, помочь поплывшему в беду. Вот и начинаешь, преодолевая боль и не показываясь, думать: что идти трудно. Ну что же, хороший урок! В другой раз подоготовиться к походу как следует.

После пяти километров идем в пропашазах.

Часть во время похода мы решаем военно-тактические задачи. Разбиваемся на отряды обороны и наступления. «Осем козы, стром из него заграждения, маскируемся...» И начинается «бой».

Потом мы разбираем все подробности военной игры, причины побед и поражений.

Сейчас, когда до призыва в Красную Армию осталось меньше года, мы с Никитой Гуревичем решили, что, кроме общей физической закладки, каждому из нас надо приобрести и некоторые специальные навыки.

Я поступаю в школу Центральной школы автомоторобота и через два месяца получу права на управление машин. Никита давно увлекается радио, а сейчас он изучает дело связи, знает уже азбуку Морзе, начинает ловить на слух.

Хотелось бы узнать, что делают десятиклассники. Другая школа для того, чтобы стать хорошими бойцами нашей Красной Армии.

Георгий Мильковский.

32-я школа. Москва.

редакционной площади под кличкой «Джек».

И вдруг не то через два, не то через три дня у Джека объявился хозяин. Это был Гриша Минин, московский циркулярный паренек. Взглянул Гриша бы до того кислым, что когда он вошел в редакцию, на всех наших столах моментально свернулись чернила.

И от одной мысли, что симпатичному Джек снова придется возвращаться к своему скучному хозяйству, наша потеха даже прослезилась.

— Вы не хотите развостаться с моей собакой? — зловонно тоном спросил Гриша Минин. — Что ж, тогда я сам останусь у вас в журнале на постоянное жительство.

— То есть как это остано-

вель? — испуганно спросил худощавый и похерившийся в сторону секретаря редакции, добавил:

— Если этот юноша поселится на страницах журнала, то у меня начнут вытуживать деньги на рисунках.

— А у меня в стихах перестанут лететь птицы, — сказала молодая потеха и снова прижала к глазам багровистый платочек.

— А я думаю наоборот, — заявил секретарь редакции.

Он вообще всегда думал наоборот, этот секретарь.

— Я, — сказал он, — не только бы оставил этого скучного юношу в журнале, но и передал бы ему в ведомстве наш юмористический отдел.

Тут поднялся такой шум, что

слово выгнувшись был взлет редактор.

— Товарищи, — сказал он, — голоса наших сорганизов не будто бы подслышал. Я предлагаю статью не выносить окончательного решения. Давайте посоветуемся на этот счет с читателями. А пока судя по лето, будем считать, что Джек и его хозяин своим гостям.

«Первые дни стройки города Комсомольска». Рисунок школьника Ю. Подляского из города Вышнего Волочка.

О ЧЕМ МЫ СПОРИМ

Н еслышно был спор о величии случайности на жизнь человека.

— Бывает, — сказал один, — что ничтожный случай изменяет всю жизнь, всего человека. И получается, что случай определяет жизнь.

Другие возражали: плох человек, который поддается влиянию ничтожного случая и ищет по течению, а не борется.

Третий добавил, что слабым надо помогать в борьбе со случайностями, которые мешают человеку. С этим согласился все.

— В дружбе не может быть равноправия, — заявил как-то Олег (надо сказать, что его заявления всегда оплачивались безальтернативностью), — всегда один из друзей слабей, другой сильнее, один глупей, другой умней; всегда один подчинится, другой подчинит, один дает, другой получает. Из этого и делов вышло...

— Стой, стой, прежде чем делать вывод, надо доказать правдивость первого твоего тезиса. Что это за неравенство? Откуда ты это вычитал?

— Не вычитал, а вижу на каждом шагу. И нечего говорить: по-моему, это вполне логично.

Он стал приводить примеры из жизни нашего же класса. И действительно, получалось так, что в каждой паре друзей один был в чем-то слабей другого.

В споре рождается истина. Это сказано не без оснований. Недаром

старая жинка эта древняя посылала: Спор спор — разнь, разукотает. Вызывает споры, попреки на богатейшей огни, злодейский огонь, который не грех и ничего не может забросить. Участники подобных споров обычно больше всего работают о том, чтобы порвать отношения взаимной ненависти, блевнуть изудинной ополчением, развратности... Но не об этом сейчас речь, хотя такие споры можно очень часто услышать в школьных коридорах, на переменах, да и на уроках.

Мы говорим о хороших, горячих, товарищеском споре, который по-настоящему возмущает и может обогатить, интеллектуально отряхнуть, истинной, о том, чтобы порвать мышление, делает человека умней, приводит его к ключевой мысли, заставляет больше унаваивать, шире думать, толкает его на живое, короткое дело. В таком споре не может быть места ложному самолюбию, которое мешает человеку, заставляя его упрямиться в своей неправоте.

Хороший спор только помогает лучше работать, учиться, правильно действовать. Именно поэтому большинство споров, возникающих межклассными интеллигентами и интеллигентами на этих страницах. Возможно, у читателя найдутся возражения против отдельных суждений и выводов. Ну что ж, в таком случае спор можно продолжать.

Споры шли в большую перемену, и еще одну перемену, и еще по пути домой.

Последнее слово осталось за Виктором, оно было произнесено где-то у Давыдовского рывка, куда мы забрели, не разбирая дороги, в путь споры.

— Конечно, бывает, что сильный покровительствует слабому. Больше того: бывает, что тот, кто сильнее, пользуется этим и подталкивает товарища, может быть даже унижает его. Но это сказано, что это-то и есть дружба? Что касается меня, то я не хочу иметь друга, который бы синхронизировал меня, я еще меньше мне нужен такой, который бы мне подчинялся.

И тогда вспомнить дела друга все, что не идет против моей чести и совести, и требую от него того же. Я готов оказать

ему любую помощь и принять от него, не боясь, что это покажется кому-нибудь проявлением слабости... Иначе я себе дружбу не представляю.

Когда прочитаешь эти или услышишь о каком-нибудь героическом поступке, всегда измеришь его к себе: а я бы мог так, а де ступил бы я? Может быть, это поддается, но мы даже коллективно обсуждаем это.

Как-то мы прочли в газете, не то в журнале о подвиге одного красноармейца-разведчика. Однажды ночью, заблудившись, он попал в окружение противника, но проявил необычайное присутствие духа и только благодаря ему спаслась жизнь и выполнял приказ.

Один из нас сказал:

— Честно говоря, я бы на его месте, наверное, трусил. Вы представляете только: глухая, темная ночь, и ты один и не знаешь, где скви, где чужие. Нет, можете меня прогнать за это, но мне кажется, что я бы провалился труса.

Презрительный смех, разумеется, не слышен. Но возник вопрос: может ли человек воспитать в себе смелость или она приходит естественно в нужную минуту?

— По-моему, это, — скорее, врожденное качество. Бывает ведь случаи, когда люди, которых всю жизнь считали трусами, вдруг на поле сражения ведут себя героически. Знают, смелость у них была в потенции. Толчок — и она обнаружилась.

— Уж не передается ли смелость по наследству? — поделел его друг.

— По-моему, — сказал третий, — смелость можно в себе воспитать. Ведь привыкнут люди к ситуации дуть, к разрыву свирянок, к тому, что им раньше внушало смертельную ужас.

— Я с ним согласен, — сказал тот, кто у нас обычно во всех спорках молчит, — во все это пока части теории. Подождем до армии.

— А по-моему, нечего жалеть, — возражал другой, — давайте сейчас поставим себя в такие условия, где пришлось бы проявить находчивость, выносливость, силу, смелость...

Крылов

(XVI век). Приблизжались к врагу, воины двигали перед собой поставленные на колеса деревянные щиты. Сделавшись вместе, эти щиты как бы образовывали подвижную крепость, за стенами которой могли укрыться до тысячи человек.

С большим вниманием читал я об осаде Москвы в 1382 году великим ханом Тохтамышем Узун-о при приближении татар, москвичи спалили все окрестности города и затворились в Кремле. Они решили не сдавать города и начали готовиться к защите: ломали мосты, бревнами, камнями, землей укреплали ворота. Стрельцко-заборники подымались на стены, проверяли стоявшие между зубцами деревянные щиты-заборы, готовили металлические орудия — самострелы, тюфяки и пороки.

23 августа Тохтамыш пошел к Москве. Москвичи первые начали стрельбу и «каменные метакх и самострелы и тюфяки и пороки». Татары старались приставить к стенам лестницы и взобраться на них сверху, однако это не удавалось: горожане сбрасывали на головы татар камни, обивали врагов копьями и кинжалами. Стрельцко-заборники, пороки и тюфяки непрерывно осыпали татар градом камней.

Для того чтобы разыскать нужную для доклада о крепостях древней Руси литературу, я просмотрел несколько энциклопедий и библиографических справочников, выбрал для себя не только книги по истории городов и крепостей, но также и русские летописи, в которых говорится о войне и брался с некоторой опаской. И действительно, они дали мне труднее всего. Часто приходится догадываться о значении того или иного древнерусского слова, военного термина. Мне несовестно пользоваться книгой «Материалы для терминологического словаря древней России», и это значительно облегчило дело.

Очень интересной оказалась Аврентьевская летопись, так же, впрочем, как «История Москвы» Зубкина и «История инженерного искусства» Лавского.

Весь нужный для доклада материал у меня всегда под рукой, потому что, работая над книгой, я выписываю интересные факты на отдельные карточки, потом раскладываю их в определенном порядке. В тетрадь перечерчиваю рисунки, чертежи. Это очень удобно.

Юрий Гец

175-я школа, Москва

— Попад, Джек, посмотри, что делается на дровах старинных.

«Атака».

Военная консультация «Смены»

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

Скоро вам исполнится восемнадцать лет и все вы — юнцы, окончившие школу, — встаете в ряды Красной Армии.

— Мы хотим быть хорошими бойцами, — говорят вы. И не только хотите: многие из вас воспитаны в себе качества воина, стараетесь узнать то, что пригодится в походе, в бою. Взять хотя бы комсомолец-десятиклассник Генрика Меньшовского и Николу Гуревича, с которыми вы сегодня познакомились в «Лубе «Смены».

В помощь вам при редакции журнала «Смена» создана военная консультация. Сюда вы можете обратиться с любыми интересующими вас вопросом по военному делу.

В консультацию принимают участие профессор генерал-майор В. А. Меликов, профессор бригадир инженер Е. В. Александров, генерал-майор А. И. Антонов, генерал-майор артиллерии В. В. Владимирова, полковник Б. Л. Негрдов, полпутор М. А. Головолев.

В своих письмах обязательно указывайте, в каком классе и в какой школе вы учитесь. На конверте делайте надпись: «В военную консультацию «Смены».

РЕДАКЦИЯ

О ГЛУБИННЫХ БОМБАХ

«Каким принцип действия глубинных бомб? — спрашивает ученик 155-й школы (Москва) Николай Ширнов».

Глубинные бомбы впервые появились в 1914 году. Не переставая совершенствоваться, это оружие стало одним из действенных средств борьбы с подводными лодками.

Глубинная бомба представляет собой металлический цилиндр, заполненный взрывчаткой неизвестно. Внутри бомбы вставлено специальное взрыватель гидростатического, дистанционного или иного принципа действия. Взрыватель гидростатического принципа действия имеет вид стакана, закрученного резиновым диском. Через этот диск прохо-

дит металлический шток с пружиной. Здесь же вставлен боек. К нижней части взрывателя прикручивается запальный стакан с капсюлем из грмушечной ртуть или другого взрывчатого вещества. Когда бомба погружается в море, давление водного столба все время увеличивается. Резиновый диск вместе со штоком опускается вниз, давит на боек, последний разбивает капсюль и вызывает взрыв бомбы.

Глубинная бомба взрывается на заранее установленной глубине, в зависимости от силы, которая требуется для сжатия пружины.

Бомбы бывают малые и большие. Самые малые достигают 25 килограммов, а больших — иной раз превышает 270 килограммов.

Взрываются, вблизи подводной лодки (примерно в 4—5 метрах), малая глубинная бомба способна разрушить корпус подводной лодки. Большие же бомбы могут причинить разрушения и на более далеком расстоянии (по 20—25 метрам). В том случае, когда бомба разрывается еще дальше, разрушения корпуса может и не произойти, но силой взрыва разрушается работа механизма подводной лодки, и она вынуждена всплыть наверх.

Обнаружив подводную лодку в каком-то участке моря, самолет или корабль забрасывают этот район глубинными бомбами, взрывающимися на разных глубинах.

Бомбы сбрасываются в воду вручную или механическим путем. На некоторых кораблях имеются специальные пушки, напоминающие собой полевые мотопушки. Они забрасывают бомбы на расстоянии от 200 до 1850 метров.

Глубинная бомба обладает большой разрушительной силой по сравнению с артиллерийскими снарядами, имеет большой радиус разрушения, может взрываться на любых глубинах (до 100 метров от поверхности воды). Для сбрасывания глубинных бомб не нужно сложного оборудования и установки. Правда, бомбометание производится не по визуальной цели, а по той площадке моря, где в данном время находится подводная лодка. Поэтому число попаданий сравнительно невелико.

Однако сбрасывание одновременно большого количества бомб, взрываемых на разных глубинах моря, влечет за собой если не потопление подводной лодки, то вынуждает ее всплыть на поверхность воды или лечь на грунт, отказавшись от торпедных атак.

Капитан-лейтенант
Н. КОЛЯДА

ВЕЛИКИЙ ОБЪЕМНЫЙ

В техническом прогрессе кино есть нечто главнейшее. Оно рождается на свет немим, серым и плоским. Совсем недавно оно обрело дар речи, затем стало цветным и ярким, как сама природа. Теперь пришла еще одна задача: кино стало объемным, трехмерным.

Глубину пространства, об'ем предметов одним глазом увидеть нельзя. Лишь когда мы смотрим на предмет об'юми глазами, от нас кажется выходящим. Почему это происходит? Потому, что правый глаз видит предмет с одной «точки зрения», а левый — с другой. Получаются два изображения, сходные, но не тождественные. В мозгу они «накладываются» одно на другое и сливаются в цельное, об'юмное впечатление от предмета.

Теперь представьте себе обыкновенную кинолентку, на которой сняты рядом два изображения: одно — для правого глаза, другое — для левого. Другая объективами (или, еще проще, двумя зеркалами) эти изображения отброшены на экран.

Растр (решотка) экрана так рассчитан, что в просветы между его проволочками каждый глаз видит только одно из двух изображений. Второе изображение оказывается прикрытым непрозрачной проволочкой и поэтому невидно. Другой глаз, наоборот, видит именно это, второе изображение и не видит первого.

А в результате в мозгу зрителя создается иллюзия единого, об'юмого изображения.

Очень остроумно, очень сложно и, если подумать, очень просто.

А главное, это уже не проект: это реальность. Сейчас, когда пишется эти строки, режиссер Андриевский и оператор Суренский закончили съемки первого экспериментального стереоскопического фильма-концерта.

...На скале, на берегу Черного моря, стоит Владимир Яхонтов и читает последнюю главу из поэмы Маяковского «Хорошо». Эта глава кончается строками:

«Савьте,
молот
и стих,
земля молодости».

Идет концерт на экране. Играет на арфе Вера Дулова, поет и танцует Галина Немченко. Но аллее от моря поднимается Яков Фанер. Он выходит на террасу, садится за рояль, и прекрасные звуки Листа несутся над притихшими залами. Потом появляется жонглер Виталий Спелев. Он подбрасывает мячи, и они словно летят в партер. Это ощущение об'юмости много раз будет приводить в восхищение зрителей картин, где нет плоских движущихся фотографий, где чувствуется воздух, глубина пространства, где каждый предмет реален, осязаем.

Зритель порой хочется протянуть руку, чтобы схватить как бы выходящую с экрана в зал рыбу или порхающую над партером птицу, поймать на лету букет цветов, прикоснуться к чудесной яблоневой ветке, повисшей над партером...

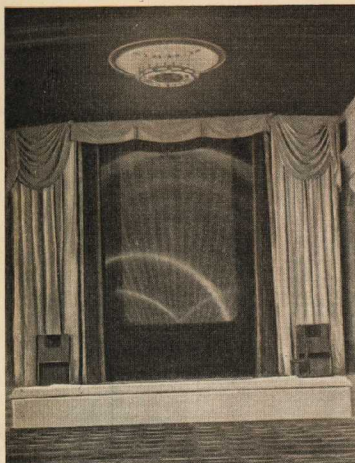
Особенно интересен эпизод со стеклянным шаром: он как бы выкатывается из глубин кадра и повисает в зале. Внезапно внутри этого шара появляется совершенно реальная Вера Дулова со своей арфой.

Много чудесных открытий сделает зритель этого первого стереоскопического фильма, который в скором времени будет показан в столичном кинотеатре «Москв».

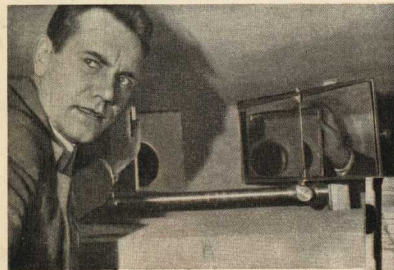
Кадры из первого стереоскопического кинофильма-концерта.

1. Что это перед нами: сверное зрелище, радуга? Нет. Это игра лучей обывной лампы, отраженных стереоэкраном. Впрочем, привычное слово «экран» мало подходит к этой огромной металлической раме, на которой натянута до 30 тысяч тончайших провололок. Изобретатель стереоскопического кино Семел Павлович Иванов предпочитает называть свой экран термальной оптической поверхностью.

Полади этой провололочной решетки — «реша» — помещен обыкновенный полотняный экран, который выполняет те же функции, что и все экраны кино: он отражает изображение, идущее из проекционной будки.

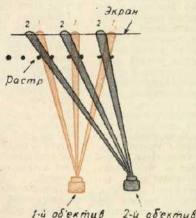

2. За границей было много попыток разрешить задачу стереокино. Но большинство изобретателей пошло по ложному пути, конструируя различные стереоскопические очки для зрителей. Такое кино не может стать массовым. Советский изобретатель С. П. Иванов сделал иначе. Он построил экран, который сам «форматирует» изображения. На этом экране каждый глаз видит только то, что для него предназначено.

Но С. П. Иванов еще не доволен: он знает, что его принцип стереокино таит в себе гораздо большие возможности. Огромный экран, в 25 квадратных метров, установленный в кинотеатре «Москва», — это только первый шаг. А что скажут зрители, когда, сидя прямо перед экраном, они будут видеть лицо актера анфас, а передвинувшись вправо, увидят его левую плечу? Вы воскликнете: «Это невозможно и сверхъестественно!» А лаборатория стереокино совершенно уверенно работает над этой проблемой и уже нащупала пути ее разрешения!

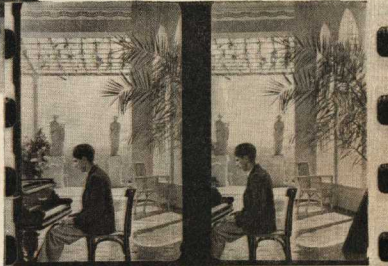
3. Особенность стереоскопической киносъемки фильма по методу С. П. Иванова заключается в том, что объектив снимает не сам объект, а его отражения в зеркалах. Так как этих зеркал два, то и на пленке получаются два изображения. Путем изменения расстоя между зеркалами можно менять на расстоянии этих двух изображений относительно друг друга. В результате при проекции те или иные предметы могут оказаться по желанию режиссера или перед экраном, в зале, или далеко за экраном. Это кажется фантастикой: по желанию режиссера предметы могут изменяться в третьем измерении (т. е. в глубину).

4. Схема проекции стереоскопического изображения на экран системы С. П. Иванова.

Первый объектив проецирует изображение сквозь проволочную решетку на те участки экрана, которые обозначены цифрой «1», второй объектив — на участки, помеченные цифрой «2».

При рассматривании этих изображений глаз зрителя может увидеть первые участки экрана и не видеть вторых. Другой глаз зрителя видит, наоборот, вторые, но не видит первые. И получается, что каждый глаз видит лишь одно из двух изображений, проектируемых на экран.

5. Флиер за рулем (кадр из фильма-концерта).

НАТУРАЛИСТЫ ИЗ КОЙСУГА

В десяти километрах от Ростова на Дону раскинулось большое село Койсу. Со всех сторон его окружают поля. Вы долго можете бродить по дорогам, давая себя чувствовать стенам пшеницы, среди зеленых огородов, не находя в них ничего необычного. Но вот вы подходите к пологому склону небольшого холма. Справа торчат кусты картошки, слева расползлись по земле огурцы. А между стнями двумя обыкновенными полями притаились маленькие — в гектар величиной — скасовая страна. На кустах картошки здесь розовот помидоры, на одной стебельке — в таком же количестве зреют ароматные дыни. Колыхается невнятная пшеница, у которой каждая стебель идет по несколько колосьев. Раскрывает свои коробочки жемчуг кожных тараканов, позвончатся метельчатые травы. Да, это рис! Злак, в скасовой степи!

Каждой скасовой стране полагают иметь своего мага и повелителя, живущего в волшебном замке. А вот тут и волшебника нет. Хозяином тут на склоне холма ученики 4-й койсугской средней школы.

* * *

Учитель биологии Владимир Николаевич Веневский знает и любит природу, и он хочет, чтобы ученики тоже ее любили.

Он никогда не приходит в класс с пустыми руками. Если ему нужно рассказать о вариационной изменчивости, он привнесет с собой целый ворох листьев или банку хлебной черешки и, разложив все это перед школьниками, покажет, как один экземпляр отличается от другого. Если тема сегодняшнего урока — мимикрия, он привнесет живую гусеницу, замаскированную на зеленые веточки и ползущую на ее отросток; ученики будут трогать гусеницу кончиком ручки, разглядывая у себя на ладони.

Владимир Николаевич старается, чтобы ребята могли сами наблюдать проявления жизни или иных законов природы. И поэтому, когда Владимир Николаевич объясняет учение Дарвина, ссылается на работы Тимирязева, Мичурина, Ляскова, рассказывает о том, какие огромные возможности открываются перед человеком, изучившим законы живой природы, школьники уже не могут просто принять все это к сведению. Им самим хочется вынести в жизнь природу, переделать ее на свой лад, создавать новые виды растений, выводить новые сорта.

— Однажды Владимир Николаевич пришел к председателю колхоза:

— Нельзя ли выделить немного земли для школьного кружка натуралистов? Мы хотим рис посеять.

— Что посеять?

— Рис. Председатель долго молчал, потом нерешительно заговорил:

— Можно-то оно можно, да только, Владимир Николаевич, рис ведь на болоте растет, а у нас, сами знаете, речка и да лесоток поскочат... Впрочем, я не возражаю, попробуйте.

В колхозном поле школьникам отвели небольшой участок. Колхозники вспахали его, заборонили, руковожателем выбрали «смет бы дети ни тешили, только бы не впадалки и занялись своими делами».

А школьники во главе с учителем, вооруженные мотыгами и граблями, принялись дробить и выравнивать землю, а да лесоток поскочат угольная пыль, земско. Вокруг участка делали земляные борта — евалки: это привады граблям вид больших, но неглубоких лосейев.

Но вот настал день, когда грабли были готовы, и Владимир Николаевич принес на участок сорванные кружка — четырнадцать булавочных пакетиков с различными сортами пусуходольного риса. В граблях сделали неглубокие бороздки, высыпали туда белые зер-

на и прикрыл землей. Потом из прорытой вблизи канавы напоялили граблями воды, которая быстро впиталась в червиюю.

Через несколько дней взошел и восхитительно распрямился тонкие аркозеловые росточки, пробившиеся на поверхность грабля. Колхозники вместе с ребятами ползали по земле на четвереньках и осторожно трогали пальцами молодые растеньица.

— Вот рис — так рис.

Но еще больше удивлялись жители Койсуга осенью, когда рисе. Благодаря частым поливкам и правильному уходу дажд урожая.

Это было в 1936 году. С тех пор в школе из года в год ведется интереснейшая работа. Зимний вечерний, когда все село уютно в тепле, в одном из классов школы полудню не гаснет огонь. Снаружи уют ширейшей стеной ветер, а внутри потрескивают дрова в печке. И под это акомпанемент несколько десятков колхозников и лесухек работ со своим учителем разговаривают о рисе, о всходах, о граблях, обсуждают планы будущих работ на участке, какие работы составляются так, чтобы они соответствовали и учебным потребностям колхоза, распределенные задания между юниатами, назначают ответственных за ту или иную работу. Здесь же можно услышать доклад круглолицей девятиклассницы Лиды Червошоловой о вытеснительном скрещивании или обстоятельно изложить биографию Дарвина, которую подробно изучил Ван Пасера.

Несамые прохладные зима. Снег еще и не думает таять, но солнце уже начинает пригревать сквозь оконные стекла.

Тогда почти все подоконники в школе заставляются шпаклей с землей. Это школьники променяют, хорошо ли всходят семена, предначинанные к посеву, нет ли среди них больших, с которыми можно уже решиться драгоценное время.

Вот из одного ящика поднялись тонкие ярко-красные ростки риса, в другом — повзрослели на свет дуэлетные росточки тиквы, в третьем — пробилась стрелка лука. Прокладет еще несколько дней, и уже на всех подоконниках несело зеленеют тычиночные новорожденные растений.

Стаивают снега. Когда же, наконец, настает торжественный день первого выхода в поле!

Обычно идет вылезает в восемь часов утра, но Палуша Радченко не спит с четырех. Некоторое время он возвращается в постель, потом вдруг встает, натягивает на широкие плечи куртку и выходит на улицу. Но впервые да же шелест по весенней земле Лиды Червошоловой, а когда они подходят к участку, там маячит длинная фигура старости кружка Лена Поповичева. К шести часам все в сборе.

Перед ними лежит десять тысяч квадратных метров черной алажной, слегка дымящейся земли. Каждый из них — будь то добывший землю, вспахавший, вселяя, всегда готовый подручаться Лиды или строгий, потянувшийся Леонид — полюбит эту землю, привлазит к ней, как к живому существу. Но это не привязанность прежнего крестьянина, который отходил и творчески исконный. Это любовь молодой семьи Юннаты любит землю, как человек любит свою лабораторию, ташущую в себе безграничные возможности для опытов, отходный и творческий исконный.

Потому они так живоноивно ждуть первой поше земней разлуки встречи с землей.

Приходит Владимир Николаевич, и все приходит к работе. Граблями выровняли, поливочная земля выравнивается, на сплошном поле появляются прямоугольники и квадраты грабля. Новички убеждены, что да же таковы рисе не требует знаний и спорит. Но Владимир Николаевич, прежде чем они начнут хотя бы, например, делать поверхность грабля для риса совершенно горизонтальной, чтобы он равномерно растекался при поливе вода.

С этого весеннего дня участок оживает. В редкие дни вы не застаете здесь нескольких ребят. Работа их сложна, требует исключительной точности и продуманности.

«Каждому ошосу свое время» — вот закон, с которым приходится считаться, особенно тем, кто хочет заставить южные культуры проарастать в средней полосе. Если вы посеете рис слишком рано, он не взойдет; земля должна быть. Если вы иже сделаете слишком поздно, ему не хватит нашего короткого лета, чтобы созреть.

Юннаты сеют рис в середине мая. Вся секция рисоводов выходит в это время на участок. Одно звание делают на грабках бороздки, другое — кидают в них зерно, третье — засыпает бороздки золой, четвертое — высеивает рис. Работы, но и здесь нужна акуратность, расчет до одного сантиметра.

Прокладет три—четыре дня, и снова рис требует внимания: его надо поить.

Вскоре из прироста почвы земля повсюду выскочит, а вместе с ними выплывают бесчисленные полчища сорняков, с которыми школьники вступают в яростную борьбу. Каждый сорнуется со своим сорняком, стремится выломать сорняк, чтобы не мешал рису. Но вадур по всему участку разности горестный волю:

— Что ты пошишь? Ты же рис шишь!

Все в ужасе поворачивают голову, некоторые даже подмигивают на него. Староста кружка Лена Поповичева в трагической поше стоит возле маленькой смущенной Ани Поповой. По неопытности она вырвала часть посевов вместе с сорняком, вырвала тамеш, который очень похож на всходы риса. Эта коварная травка причинила много бед школьникам, прежде чем они научились ее отличать.

Наступает лето. Под лучами солнца побужают тинуться мушкетеры, в шпакле, губоватые листья капуты, расплываются по своим деланкам огуры, дыни, тиквы. И тут над всем койсугинским сокровищам начинают носиться разбойничьи банды воробьев. Юннаты вылезают на участок, выгоняют оттуда хищных птиц и устанавливают их на шестах возле грабля. Но эти страсти действуют только на самых верных и опытных воробьев, остальных они пролетают сквозь сетки, строятся налеты. Поэтому в конце участка строятся шалаши, где дежно и воию дежурят два юниата. Чтобы сорняки не скучали, в шалаши ставятся сетки от насекомых.

Но скучать не приходится. Весь участок является не только опытным полем кружка юниатов, где выводится невнятная до сих пор в этом крае культура, но и своего рода учебным кабинетом по естествознанию для всех учеников школы и лабораторией, где испытываются агрономические новшества. Поэтому почти всегда на участке можно встретить экскурсию школьников, председателей колхоза, заведующего лабораторией, колхозников, живо интересующихся работой койсугинских натуралистов.

Всейобщий интерес вызывает делянка Палуши Радченко. Он сажает самую обыкновенную картошку. Но в отличие от обычной, каждая картофелина, как ей и полагаются, пускает ростки. На поверхности земли повсюду зеленые кусты. Но лишь только эти кусты начинают достигать высоты владимир, Палуша вылезает картофелины из земли, отрывает от них все стебельки и сажает каждый из них отдельно от клубня.

Осрптреныте стебельки, пятавшиеся раньше за счет мамы-картофелины, вывужены теперь добывать пищу самостоятельно. Они вскапывают корни и, быстро возмужав, превращаются в солидные картофелиные кусты, у которых к осени появляются естественные клубни.

А что делает Палуша Радченко с огрбленными картофелиной? Он снова сажает ее в землю, и снова картофелина дает ростки. Тогда Палуша выкапывает ее и отрывает стебли. Это повторение действия грабля. Из одной картошки вырастают не один, а десять—пятнадцать кустов, которые приносят такую большую часть обычно.

Самое интересное на участке занимает рис. Койсугские рисоводы получают по тридцать два, по тридцать шесть центнеров риса с гектара. Но юниаты это не удовлетворяет. Добиться, чтобы рис мог расти совсем без по-

лина, превратить его в самую обычную культуру для средней полосы Союза,— вот о чем мечтают они, с тех пор как персе пригоршни зерна были собраны.

Но это было уже чересчур смело. Даже некоторые научные работники, с которыми школьники советовались, отговаривали ребят от подобных безнадёжных, по их мнению, экспериментов.

И всё-таки попробовали. Они провели Александра Голкова, Мишу Белодержева и Вана Дашенко. В 1938 году они, вместо того чтобы сеять, посади в землю лён. Но при этом они прибегли к мультимурному, т. е. размельчили лён на мелкие комки и распределяли грядки землёю, чтобы уменьшить испарение влаги. Большая часть льна погибла, и только некоторые растения выдержали испарившийся резкий. Это крохотный урожай собрали, выбрадели из него самые крупные, самые здоровые зерна и в следующем году посадили их не на школьном участке, а на заимке Дона, где земля, заливаемая весной, более плодородна и богата влагой. На этот раз посея уже не пощипали и не мультимуровали. Снова часть урожая погибла, и только самые сильные экземпляры выжили и дали зерно. И на этот раз отоборили наиболее крупные семена и посеяли их весной 1940 году уже не на заимке, а на обычной земле. И рис, который когда-то прибивали только южные страны и требовал огромного количества влаги, вырос в застойном состоянии. Вырос и лён урожай без всякого полива, как сама обыкновенная пшеница или рожь.

...В подобных опытах проходит все лето и осень. Наконец, один за другим начинают падать грядки. Гора дымит, гора затряхивает, капуста, сотни килограммов веса переходят с участка школьников в кладовые колхоза «Красный Октябрь». Исчезают чуждые растения: хвощиком и люцерной наполняются все поляшки шкафов. В поле становится все пустынное. Но деятельность юных натуралистов не прекращается.

В просторных комнатах хаты-лаборатории или в школьных классах производят они анализ урожая, выясняют свои успехи и неудачи. Это кропотливая работа. Бывают случаи, когда ведёт себя тот или иной сорт, нужно вымерить среднюю высоту стеблей и метелок, сосчитать количество зерен на метелке, взвесить урожай с одного квадратного метра, узнать, вес тысячи зерен и т. п. Такие измерения и вычисления приходится проводить большие десятки, многократно проверять их и заносить в специальную таблицу.

До самой зимы ведётся анализ урожая. А потом снова поля и село укутываются снегом, снова ревет ветер, и снова somewhere в классе под гудение печки ведутся нескончаемые разговоры.

Каждый год приносит юниатам что-то новое. Зимой они углубляют свои теоретические знания, а летом на практике знакомятся со всеми агротехническими приемами, вырабатывают в себе спорность, наблюдательность, привычку к сознательному творческому труду. Уже учащиеся в школе, они становятся квалифицированными работниками сельского хозяйства.

В этом году окончила школу Палуша Радченко. По состоянию здоровья в Красную Армию он не пошёл. Коллектив тут же предложил ему должность помощника заведующего хатно-лабораторией.

Областью земледельный отдел предложил колхозу «Красный Октябрь» будущим летом засеять на трех гектарах виноградник. Дело для колхозников совершенно новое. Но опытный человек в селе есть — колхозник Степан Петрович Калава Чиренцов: она на юниатском участке разводит виноград.

Учась сами, юниаты учат и других. Колхозники переименовывают сени школьников, получают от них чудесные семена огородных культур. И вот с шестьюстами сени гектаров, занятых под огородами, колхозники «Красного Октября» стали получать урожай гораздо больше, чем раньше. Поэтому колхозники не видят ничего удивительного в том, что двадцать четыре ученика 4-й колхозной школы являются участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а старший член кружка Алена Голков награжден Малой серебряной медалью.

Почту Антокольскому в висловодной стесненности своей чувственно передают. Начиная с первых слов стихотворения («Петь Персей», «Маяк Прибалты»), всякая последняя строка «Побегит землетрясение». Антокольский углубляется в прошлое. Однако история для Антокольского — не объект для спекуляций, но повод для ухода от настоящего. Историю помогает почту широко и обильно использовать поэзия. И его густотное повествование Антокольского пейзажи старого Петербурга, поэт пишет громадные описания (Питание проема Великой французской революции, Бродит сонны восточной толпы, поющей «Марселью»), драматизирует его способность извлекать в сауну разноеобразие обстановки. Должно быть, потому Антокольскому так естественно удаётся и переводы на стихи различных поэтов, самых различных видов. Поэт раньше, чем поэзия, и поэзия, чем поэзия, и современней французский поэт Чинчиови.

Стихи Антокольского отличаются строгостью, строгости как бы вырабатываются в конце на рифме, и точно вырываются в конце на рифме. Удивительный чужестранец, восточный и южный, они отличаются эти стихи. Недаром одним из ориентированных впадин последней строки Антокольского было: «Молодость не кончается».

Новый год

О будущем? Ты сегодня снова

Противяешься рукам или мягкой.

Чего ты ждешь от нас? Какого слова,

Зачитай нам, задрывай ли хвалы?

Но мы, шестая часть планетной суши,

Всей крошечной сущью связанная с ней,

Мы будем говорить как можно сильнее,

Аж до бессонницы, впрямую, проше и яней.

Мы смотрим на итог работ, не выходя

Волевыми. Нам неужен громкий жест.

Тот эпоса славы и добродетей,

Вот в озабоченных тольках, бесценная,

Сверкает, как уральский кристалл.

Временная народная поэзия.

Аж на черт — несёт материк завит

Свещенной славою трудового подвига:

Осыпая пар, стропила, нефть, руда.

Винном стаканами до краев наполник.

Мы знаем вес, чем розина горла.

Мы встали рядом с петругою и паше,

Бурлящими таинственными порою,

Строители вричайших гидротехник,

Землекопы несемыхных спиритов

Формошники, чешковские вскапники.

Короткий путь с программой боевой.

Мы встаем тут. Нам время — по колесо.

Оно в музеях, собранных Москвой.

Есть время — червь, гразущий паше,

Убийца

Иль крог, который соселу утом.

Есть время, пригнесьте, чтоб сытнее,

Боец и водич, будущее времени.

В морозной бесее, в морозе задрывной.

Под грозный аяк военных непогод

Смотри на нас, как в зорько, как в равный,

Учись науке сытнее, Новый год.

Редовцы

В кухне буря, в мастерской непогоды,

Время замедляют поэты.

Зала ночь растапулась в пологая,

Громоздит небоскресами лён.

Ажот магнитная стрелка, занушу;

Ажот алявистый хохот турги:

Ажот вселенная, будто к лицу ей

Маска этой косматой карги.

И в сонении айдон, а их скривились

Ни просвета, ни мыслей, ни слез —

Только скука одна да терпение

Навегда заведённых колес.

В том краю, одиналом от века,

Молодой нежесты в каскальной горети,

Только жаркая жизнь человека

В силах действовало, кипаре рати.

Там пятидесятый полнокровный братец,

На два года завернул в айдон

Жаркой вности зря не расстратил,

Защитила палушью свой дом.

Жаркий уголь шурупа в котельной,

Молодой нежесты в каскальной горети,

От радница к земле беспредельной

Мгалае вест в непогоду и шквал.

В чьяз лицом человек не ударит.

Он посылает боец и бушуй,

Он на алы медвежатную жарит.

Если грустно, раслетит баян.

И в присядку пойдёт, чтоб согреться,

Ожигнет и землянку и чум.

У него благородное сердце.

Нрав веселый, находчивый ум.

И в авральную бесоницу, снузи

Женам, лувшам, лучшим в Союзе,

Посылаю привет моряки.

Дважды круг по железной орбите

Соварища сюда, вояки времени.

Ажот сауната вихор событий,

Вуйт сенсий и правду Кремля.

Доделает к Полярному кругу

Громоснация русская речь.

И покарники жалает друг к другу,

Чтобы каждое слово обережь.

Шли часе, выравставше в сутки,

Шли недом, ползай меселю.

Прора поты мошалае в рассудке.

Океан грохотал без конца.

Но, врубавше в торосы, ломая

Лех бортики, всей тонкой дыша,

Ажот востроа — могучая прима.

Напряжонна примаду душа.

И как образ из мира सदого,

Человечество иский весту.

Выраа «Сталки» иновесту «Седову» —

Сноп проектора лампу во тьму.

Дрейф закончился. Два алодока

Бортом к борту сошлись звени.

Эта востроа — могучая прима.

Милый друг, давай теб и меня!

Но мы и повстречаем с ними

В сердце моря, в Москве молодой,

Или востроа — могучая прима.

Все как надо пройдет чередой.

И на встрече, за пирушку чайной.

Мы сожмемши и започнух вест.

Мы, востроа и новесту нашей:

«Этo годo звучит — ЧЕЛОВЕК!»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОРЯКОВ «ДИАНЫ»

Это драматическое и поистине незабываемое событие в официальной «Летописи кораблекрушений и других бедствий»: события русского военного флота отмечено лишь одной фразой:

«Диана», фрегат, 11 декабря 1854 года на время затонул в Японии, выходя в бухте Симода, при сильном северо-западном ветре, однако, благодаря умелым маневрам экипажа, удалось избежать катастрофы и в крайне неблагоприятном и при бурном море в порт благополучно пройти гора Фудзи...»

Однако в свое время гибель фрегата «Диана» являлась многодневным событием в русской и иностранной печати, сыграв очевидца катастрофы, воспоминания потерпевших.

Почему нам удалось восстановить довольно детально историю необычайного кораблекрушения и не менее интересную историю приключениям мускетерской команды русского фрегата.

1. РОКОВОЙ ДЕНЬ ГОРОДА СИМОДА

Фрегат «Диана», успешно закончив кругосветное путешествие, 11 июля 1854 года брося якорь в бухте де-Кастри. Присланный из Кюмогата на помощь бриллиант и вестовый «Палладиус», этот фрегат выглядел весьма внушительно, и находившийся на восточном Поморье вице-адмирал Путитин поспешил вос-

пользоваться новым кораблем, чтобы завершить затнувшиеся переговоры с Японией о заключении торгового договора.

Время было удобное. Уже прогрелась на весь мир зима Симода, уже Англия и Франция прервали отношения с Россией, соединенные эскадры союзников ширились вдоль русских берегов Тихого океана.

Но «Диана» благополучно провралась через колымо блокады. Посетив порты Хакодате, Осака и Кадо, фрегат прибыл, наконец, на рейд города Симода, куда явились и послы японского правительства для переговоров с Путитиным.

Переговоры шли тяжело и шумно, бесконечные церемонии сменяли одна другую, и конца им не было видно. Но совершенно неожиданно разразился трагическое событие, заставившее участников переговоров забыть на время о всяких дипломатических условностях.

Несчастливый день 11 декабря 1854 года начался весьма обычно. Море было совершенно спокойно. Притривало солнце. Легкий вест-зюйд-вест ласкал снасти фрегата. И вдруг около десяти часов утра все находившиеся на корабле почувствовали как-то странное удари: как будто бы кто-то невзначай и сильный схватил фрегат и вотряс его.

Люди выскочили на палубу. Им представилась странное зрелище: вода в бухте закипала, вокруг скалистого острова Игубаси, бродя в открытом залива, поднимались грозные мутные волны. Джонки, стоявшие у берега,

поплыло прямо на лодка, море хлынуло в залив и обрушилось на город. Через какое-нибудь мгновение сотни зданий исчезли под водой.

И тут же море стремительно хлынуло вспять, унес с собой страшною добычу; обломки домов, крыши, перевернутые джонки, захлебывавшихся в воде людей. Но вот с моря пришел новый вал, еще более мощный: уровень воды поднялся сразу на три сажени, и весь город отступил под водой. Капитан-лейтенант Лесовский быстро занялся в изданном журнале:

«К 11 часа. Отдали другой якорь. Едва успели задержаться, как течение переменялось, и в мин город был истреблен: местами оставались одни каменные храмы, выстроенные на возвышениях. В то же время над городом показались волосы дыма, и по воздуху распространился сильный серый запах. Все суда, а с ними и фрегат, начало вертеть с такой быстротою, что многие почувствовали головокружение и головную боль».

Очевидцы подсчитали, что в течение тридцати минут фрегат сделал около два полных оборота. Со стоном и треском металась это мучное судно вокруг якорных цепей.

Без помощи бухты была покрыта жалкими обломками, за которые цеплялись утопающие люди. Рыдания и крики ослепляли воздух. И хотя сами русские моряки находились на краю гибели, они пытались помочь погибавшим, бросая им концы, хватая за руки людей, которых проносило мимо борта. На палубу подняли

какую-то полумертвую створку, потом слыши несколько рыбков, цепляющихся за обложку дюжики.

Наступила критическая минута: фрегат, наткнувшись на камни, дооткал, а всем бортом метнулся к створной скале Исибуриги. «Скорости оставили обратные», — было, мы смотрели на приближающуюся скалу и ожидали, что в следующую минуту фрегат о нее разобьется, — так думали впоследствии морскому министру вице-адмиралу Путятину, — люди течения, сперегто между фрегатом и остроном, все увеличивалась. Но в трех шагах от грозной скалы фрегат остановился, встал и через несколько секунд пошел обратно. —

Прямым и отмытым челноком с неистощимой быстротой. Корабль то шарыло на камне, то ныло к берегу, то с силой бросало о канатою к носу и снова выносило вперед японских пловцов. Одно из орудий сорвалось с места и начало крушиться все на своем пути. Матрос Семенов был убит наповал. Квартирмейстер Тюрбелль перебрался поутру. Матрос Виктор оторвало ногу ниже колена.

Как ни крепко был сложен фрегат, эта дикая тряска донала его с палубы увидели, как мимо пронесло всхлипывая на поверхность большой кусок железа. Пошли в море, взошло 80 футов. Потом у фрегата оторвало руль. Потом вырвало большую часть стеньги-стопа, и шпунтовые доски открылись с обеих сторон по торцу на $4\frac{1}{2}$ дюйма. Вода хлынула в трюм.

После полудня толки прекратились. В японском журнале «Дзюми» записано:

«С полудня. Ветер тихий от воста с порывами. Ясно, саване солнца высота барометра 29, 87, термометр $+11\frac{1}{2}^{\circ}$. Длиннине воды и водотор находится в меньшем состоянии.»

Люди остремлены по сторонам и уясняются: из тысячи зданий города Симода уехали толпы неспеша, да и те были полуразрушены. Часть строения унесло в море. Другая часть была отброшена к подножию горы — за милю от города. В североостровную улу бухты — обломанные дюжики, остатки створной и имущества несчастных жителей Симода были так плотно сбиты течением, что составляли как бы продолжение берега.

2. РУССКОЕ АДМИРАЛТЕСТВО У ПОДНОЖЬЯ ФУЗИМА

Тщательное обследование фрегата показало, что без капитального ремонта пуститься в плавание на нем к берегам Сибири немыслимо. Сделавло выкатить корабль на берег и произвести кидание. Но в открытой и неудобной гавани Симода сделать этого невозможно. Поэтому Путятин приказал отвести «Дзяму» в закрытую бухту Хеда, находившуюся в 35 милях от Симода.

Разрушая фрегат, русские моряки острожно носили его вдоль берега. Но счастье окончательно повернулось спиной к «Дзяне»: внезапно налетевший ураган долбил и без того ослабленное судно. Фрегат повнем ко дну близ острова Маданга. Путятин же сел на скалистые горы Фузима. Люди спаслись декою героическими усилиями.

Теперь экипаж «Дзяны» выходил в трудном, чтобы не сказать, отчаянном положении: жили от рожавы на чужой земле, в тяжелое, военное время. Но моряки не потеряли присутствия духа. Они решили во что бы то ни стало добраться в один из восточносибирских портов или на Камчатку.

Пока Путятин завершал переговоры с японцами и спорился с американцами, пытаясь захватывать какие-либо суда для перевозки экипажа «Дзяны» в Россию, молодые офицеры явились в судонный багаже, который удалось кое-кому спасти, в надежде найти пособие по корабельному.

Это был очень дерзкий замысел: своими руками построить корабль, на котором можно было бы не только пересечь Японское море и Татарский пролив, но и вернуться при случае от быстротеющих английских крейсеров. Но другого выхода было нет. Идея эта, если не была замкнутой жизнью, и купеческие корабли редко навещали ее порты.

На этот раз моряки повезло. У кого-то случайно нашлась япварская книжка «Морского

собрания» за 1849 год, в которой было подробное описание шхумы «Хедь», построенной в крошечной гавани Хеда известным и знаменитым исследователем Антарктики Фаддеем Беллинсгаузеном.

«По этим данным толку приступить было к постройке означенной шхумы «Хедь», по плану, составленному капитаном Фаддеем Беллинсгаузом, на чистом и ассу-дуке, употребив вместо стоела опрокинутую бочку, — позволяю один из участников этой эпопеи. — Типичная чертёжная карта была и не была, но думается, в нашем положении — нельзя было устроить.»

Вскоре чертёжи шхумы были готовы. Ее решили назвать «Хедя» в честь гавани, где судно строилось.

Японские власти, сверх ожидания, не только не воспротивились затее русских моряков, но, наоборот, пошли им навстречу. В то время японцы еще не умели строить кораблей и опыт русских их очень заинтересовал. Они представили все материалы и даже прислали список мастеровых, которые должны были учиться корабельному делу.

Моряки явились к делу энергично. Отмыкая на берегу бухты удобное место, они срывали часть гор и утрамбовали импровизированный эллинг. Затем было отведено место под пал. Соорудили кунгуню. Бывалые мастера изготовили толстый сталец, который должен был поразить воображение японцев: они никогда не видели такой вещи.

2 февраля шхума «Хедя» была уже заложена, и работа явилась. Когда в эту залуженную бухту полтора месяца спустя вошла американская купеческая шхума «Каролина Фуэ», ее капитан был поражен удивлением.

«Хедя» на берегу, кинитан наметил там поле адмиралтейства, вспоминает один из строителей шхумы, — через полчаса он забыл бы совершенно (как он сам говорил), что находится в Японии, если бы ему не напомнили японские мастера старательно копируя движения русских моряков, но действовали они крайне неумело, и нашим матросам пришлось терпеливо обучать их простейшим движениям. Но в дальнейшем, когда японские мастера, как листья трюса. Огромной свежачей явилась для японцев выгода смолы. Бывая на кораблях иноземцев, они видели, насколько ценен в морском деле этот продукт. Но никто из них не доталывался, что смолу добывают из дерева.

Капитан «Каролина Фуэ» удалось уговорить ответить за преданную плату часть экипажа «Дзяны» в Петропавловск на Камчатке. 30 марта кинитан-лейтенант Леосовский с восемью офицерами и ста пятидесятью нижними чинами, протрившись с товарищами, остающимися в Японии, отбыл на север.

А работы на стройке «Хедя» попрехали шли полным ходом. 14 апреля, наконец, она была спущена на воду, а еще двадцать дней спустя подняла паруса и вышла в море.

Узнав наконец, к этому времени торговые переговоры, вице-адмирал Путятин спешил к берегам Камчатки, чтобы доставить в Петропавл важные известия. Маленькая шхума ее моряки вывели в северном море, и о ее дальнейших судьбах человек остался в Японии, чтобы при первой же возможности вернуться в Россию с новыми купеческими кораблями. Путятин оставил лишь капитана второго ранга.

После, именем которого было незалодно до этого названа открытая «Дианю» бухта, подполковник Лосев, мичман Теншуру, инженер Лавров и капитан и сорос матросов. Командование шхумой было поручено лейтенанту Соловьеву.

Этой горсточке смельчаков предстояли серьезные испытания.

3. ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ «ХЕДЬ»

Еще в августе 1855 года русская печать являла:

«Как только пришла в Гоноин несчастная вестка о крушении фрегата «Дзяна», тотчас командующий английской эскадрой у китайских берегов отрядил к берегам Японии два

парохода и одно парусное судно с целью перекрестить наших моряков, если бы они небрали поварный экипаж и корабельный персонал.»

Путятин был прекрасно осведомлен о замыслах англичан: американские капитаны, загадывавшие в бухту Хеда, рассказывали о том, что поблбости ширинот не только английские корабли, но и французские.

Смоловым и Фаддеем в восточном театре успеха, но не только не добились никакого успеха, но и позорно проиграла битву у Петропавловска на Камчатке. Неудачи своего флота выманили огромные разрабавы в правительственных кругах, и газета «United service gazette», не скрывая своей злобы к проигравшемуся авантюристу Януш Брэнну Заланду, писала: «Все воды океана не будут в состоянии смыть это бедствие.»

Естественно, что Заланду и его соратникам было очень важно успокоить общественное мнение Англии и Франции как бы взятком такого приза, как «Хедя». И нужно было обладать большой отвагой, чтобы, зная это, пуститься в дальнее путешествие на крошотном, почти безоружном японском типе, под этими веслами она могла делить до $3\frac{1}{2}$ улов.

Маленькая «Хедя» оказалась неплохим ходокон. Как утверждают современники, она соединяла в себе ходкость с остойчивостью, поворотливостью и легкостью на волнении.

На случай если бы во время шторма пришлось встретиться с грозными судами, «Хедя» была оборудована весьма неплохим типом, под эти веслами она могла делить до $3\frac{1}{2}$ улов.

К счастью, «Хедя» удалось улизнуть буквально из-под самого носа у карауливших ее английских французских кораблей. Обогнув мыс Кинг, она вышла в океан и затерлась в нем, чтобы две недели спустя, 10 мая, прибыть в Петропавловск.

С какой радостью любознательные моряки «Хедя» велись в маленькую гавань, впадающую в Аванскую губу! Они считали, что все опасности и тревожения остались позади, что теперь они у себя дома. Но их ждало жестокое разочарование: совсем неожиданно, 6 апреля, все петропавловское эскадры, исполняя стратегический маневр, синлась с шорной и ушла в бухту де-Кастра. Петропавловск был эвакуирован, и сила с часу на час жалась соединившему нидерландскому флоту. Из семи парусных кораблей и одного парохода. Путятин не оставалось ничего другого, как отправиться тоже в де-Кастра.

На море оказалась плотный, сырой туман, когда немощные русские морячеловечья были понадеялись на свою «Хедю» и она медленно, словно нехотя, двинулась к выходу из Аванской губы: от берега два очка слабой ветрок.

Неожиданно в густой белесый туман являривалось сразу четыре силуэта каких-то кораблей. Они были совсем рядом; казалось, до них рукой подать. Русские моряки не знали, что это. Значит, это англичане или французы. Надо скорее уходить, пока враги не разглядели в тумане «Хедю». Но тут, как назло, ветер совсем утих и тумане, валкие паруса бесстыдно обаяли.

Матросы налегали на весла, стараясь гребсти безшумно. Работая уже всех сил, они прошли на веслах 18 миль. Но силуэты четырех кораблей неслись к ним, и в тумане явилась «Хедю». Это наименование являлось главным слом русского флота, то ли их курсы случайно совпадают.

Нервы у всех были напряжены до крайности: двое суток «Хедя» шла бок о бок с четырьмя неизвестными кораблями, и только на третий день ей удалось скрыться в тумане.

13 мая новые напасты постигли измученный долгим и опасным плаванием экипаж «Хедю». На море разразился жестокий шторм. Двенадцать часов шхума фрегата боролась с ураганом. Штормовым шлювером, «Хедю» перелетала с гребнем на гребень с, такую жестокость, что ни один вал не подал в нее, разве только по волнопадности рулевого.»

Восемь дней спустя после этого жестокого испытания моряки «Хеды», наконец, получили возможность перевести дух. Утром 26 мая туман рассеялся. Стадо как-то сразу телело. На небесах поднималась луна. Обогнув остров Сакалин с юга, шхуна осторожно дигалась вдоль берега на север, держа путь к устью Амура, где Путятин рассчитывал встретить русскую эскадру.

Положбились суровым сакалинским пейзажем, люди разошлись по своим незатейливым, но удобным самодельным койкам. В полночь вахту принял мичман Пенуоров. Как будто ничто не предвещало чрезвычайных событий. Но в половине первого залповой артиллерией подавал сигнал и указал ему на смутное пятно, черневшее в дождливой створке.

Пятно это быстро росло. Уже можно было неосторожно различить три мачты. Шхуна отключилась шварто, чтобы избежать столкновения. Незаметно вода чуть дала.

Нежданный гость поплыл на грот-палубе яркой флягой и молча спустился к ягу в расстойный каюток-нибуду казюльтова от поддетреного борта «Хеды». Потом он неожиданно развернулся и открыл огонь.

К счастью, в это время подул довольно ровный ветер, и «Хеда», оставив все паруса, устремилась к северу, уходя от преследователя. И вдруг на горизонте прямо по курсу показались еще два корабля: какое-то дуку матовое судно и большой, трехмачтовый фрегат.

«Хеда» пошла в ловушку; враг атаковал ее по плану так предсказанному сакалин в лоб и с тыла. Но предоставим слово очевидцу этих волнующих событий — мичману Пенуоров, который в эту памятную ночь стоял на вахте: «Положение наше при этой неожиданной встрече было весьма критическое. Осталось одно: при помощи ближайших пологий на хорошие качества нашего койката.

Уставив шхуну на наимыгоднейшем курсе, мы продолжили плавание в тревожном ожидании востона погоны. Луна быстро катилась между воинственными облаками. Обозначив еще всею своею массой освещали нас, между тем как гонимое судно было относительно в тени и имело на своей стороне всю выгоду следовать за нашими движущимися.

Вскоре вторые из неприятельских судов, по примеру своего предшественника, прошли за корму с поворотом за нами. Число преследователей увеличилось.

Во втором часу ночи шхуна бежала в пологую затишья и преследователи, видимо, ее настигали, но, к счастью, это продолжалось только короткое время...

Судя по всему, преследователи сами расстались от такой неожиданной встречи. По существу, дождливая добыча уже была в их руках. Можно ли было предположить, что крохотной самодельной шхуны удастся уйти от трех мощных военных кораблей? Может быть, именно поэтому они сочли лишним даже обстрелять «Хеду», решив взять ее, как называлось, голыми руками.

Но преследователи явно переоценили свои силы и недооценили искусства русских моряков. Существенный ловкий маневр, «Хеда» вышла из затишья и быстро помычалась на север, а ее преследователи сами поплыли в пологую затишья и стали отставать.

Только теперь аз корой «Хеды» заремели выстрелы и ядра вспенили воду. Но было уже поздно. Легкая шхуна, находясь за пределами досягаемости артиллерийского огня, все быстрее скользя по волне, уходила от преследователей. К рассвету на горизонте виднелись лишь верхушки рягуота одного из вражеских кораблей, аз вскоре снова опустившись на море туман скрыл их.

Восьмого июня 1855 года шхуна «Хеда» вошла в устье Амура и бросила якорь против Николаевского поста, благополучно завершив трудное и опасное попутное плавание. Русские моряки, приближаясь к борту шхуны, вошли в струю непогожедневных, но очень оперативных военно-морских сил Дальнего Востока, которые на протяжении всей войны сковаляли на морском театре преследователи сды противника.

Из фронтовых зарисовок художника-красноармейца Е. Ведерникова.

Командный пункт полка.

А. КОРОВОВ

Три рассказа

(ИЗ КНИГИ «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОРУЖИЕ!»)

СЧАСТЛИВЫЙ РОЦИН

Эта ночь не сулила хорошего. Облака исчезли, показались звезды, и шкверт на лощицах начал покрываться белыми пятнами. В асуд поспежало, аз обмачиван поулачке оголобаш нашей кухонной повозки были похожи на хоботы орудий. Танки стояли длинными рядами, точно вмороженные в землю. Это подходило на ночные уащцы деревни.

По обочинам дорог тут и там потрескивали костры в хвойных шаадах. Красноармейцы аз командиры спали, койками расположившись вокруг огня. За шаадами фыркали лошади, жевали сено. Было так тихо, точно кончилась война.

Мы сидели с Роциным в своем шалеши аз кюстра аз чистый картошку. Нам обоим было грустно. Мы не разговаривали, каждый думал аз сном. После яхук месяцев войны люди становились молчаливыми, слержанными. Роцин реза картошку ножом, взятым аз убитого финского офицера, иногда выдалка, иногда поворачивался аз огню спиной. Поглядывал на него, я думал аз том, как война быстро обжигает людей. Здесь, в стране леса, света аз опасности, каждый искал себе друга аз нхюнда его. Мы были всегда вместе с Роциным, делили пополам сахар, табак аз галеты, аз в нас обонч переевали на половую кухню. Сначала Роцина, аз потом меня. Сням аз передовой линии аз отослал на кухню.

Обидно стаало сразу, как только сды перевали. Конечно, полавали еще шутки нашего звюда: «Топьери аз в тепле будет». А мне было стыдно, аз я прожмался.

Правила, мой отец говорил, что солдат должен пройти через все аз все уметь делать. Но старик воевал, аз не варил кашу!

Две недели аз уже здесь, почти в тылу. Конечно, восемь километров аз передовой линии—это все-таки не тыл. Каждый день сды прилетают снаряды, аз иногда кто-нибудь промашает аз жизнью. Но сегодня тихо, тихо аз хорошо, все

спит... Спит лошадь, лошади, аз даже в танках полагал огни.

— Плохо воевать аз котла!—сказал Роцин.

— Где ни воевать, все воевать, аз отвяти я.

— Нет, не говори.

— На передовой, конечно, жизни больше.

На нас были засаженные аз прожженные шмеели. Они плохо играли. Мы вочрались около огня.

Роцин свернула толстую шыгарку из газеты аз подала мне, свернула себе такую же аз начала набивать табаком.

— Тут скажи, где страшнее: здесь или на передовой?—спросил он.

— Вот аз там страшно. Только, как половник говорит, надо быть на газево выше страха.

Роцин хотела что-то сказать, но слова аз шаваша вылетели снаряд, аз мы выронили шыгарку.

— Ну, чего наугадло?

— Я ничего... даша табачку,—ответил я.

— Говорят, Медведев опять отащилась?—начал Роцин.

— Все оттащивает, только мы с тобой—каша утром, каша в обед аз табаком на ужин.

— И кашу варить котинубудь доажн,—сказал Роцин.—Ты здесь две недели, аз я уже давню, аз мне надоело.

Где-то рядом захмалаша простуженный дождь. Это было страшнее, аз присутствием, протяжным кашею.

Снова зашевелил снаряд. Мы атели, аз дыра сверху шаада азариалась желтой пылью.

Воздух рванулся озариался, шаваша зашумела, только кто на него пивалаша. И опять стаало тихо. Мы выжидали. В пяти шагах в суорогах корчилась лошадь. Жизнь ее была разорвана аз в темноте каталась лной. Глаз нечестного животного блеснул зеленым огнем. Мы поглядели на звезды: сверху почалою раскаливались верхушки селей.

— И что он павят свает?

— Видит, наверное, где стоит кухни.

— Ну, так по кухням он и станет тратить снаряды.
— Ты хочешь, Вася? — вдруг спросил меня Рощин.

— Холодовой, а ты?
— Тоже хочешь? — Вот тут и законька. Придешь в деревню, а девица скажут: «Ну что Рощин за жених: он повором воевал!» А ребята подлаивают жучу: «Вари девицка, кашу вари!» Что тут скажешь!

Карточка была очищена. Мы держали баблы у огня, чтобы не промерзли белые лопатки. Языкки ламинали ламина подешное заквашенное тесто со сметаной. Ни ша ни динизия сжогденно растапливала соти тони снега: кухне нужна была вода. Мы сварили картошку в разогретый котел, кашу сварил из мяса и, залив водой, завяжили кашку.

Потом снали у костра, прижавшись друг к другу. Это был короткий зной. Он нам дамас до тех пор, пока спины, обрешенные к стенке шланга, не промерзали и зубы не начинали стучать. Но к этому уже привыкли.

На рассвете полк двинулся на передовую. Мы схватили сабли, колеса грохотали по промерзшей земле, и легкий дымок стался по дороге.

По сторонам раскинулись батареи, открытые сплошным ветвистым, бревенчатым насаждениям. И нам становилось ясно, почему враг был из нушек по нашему участку: принаекавал его не мы с Рощиным, но кашпаловая лошадь, а золотые створы батарей и складки снарядов.

Мы ехали молча и чем ближе подходили к передовой, тем становились осторожнее и спокойнее. Так всегда бывало со мной перед атаками. Как только ложился в скалки снарядов, и начинали полти на невидимые укрепления, наступало внутреннее спокойствие и только один мысль надлеж всем существовать: заметить врага, стукнуть его и самому остаться живым. Живой человек, он и побеждает, может, не мертвому чета.

Кухни распоаюались за пригорками, справа от дороги. Полк, который залься степью, ушел на огнем, и мы заняли его место. Везде виднелись следы разрушения. Деревья с обломанными макушками падали на телеграфные столбы после бурь, свежие воронки падали земляей, узкие проходы между землянками разрезали пригорки. Видно, часенко финны обстреливали полк. Мы вместе с начесом заняли крайнюю землянку на склоне. Рядом с нами, через стенку, была госпиталь — огромная яма, закрытая семью рядами бревен и обитая внутри тесом.

Мы раздали завтрак, вскипятили чай и, заварив кашу, влезли в землянку.

Где-то впереди татака пулемст.
— Это ручной стрелок!
— Откуда ты знаешь?
— Ручной бьет громче чем стеновый. А вот это финский автомат, — подняв палец, чуть склонив на бок голову и прищурив правый глаз, сказал Рощин.

— Да, верно: громко, и скорострельность бошшая.

А все-таки кухня мне не нравится, Гриндейл — опять пожеглась. Идики. — Вот увидишь, я буду на передовой.

Полк дрался, окопавшись в ентах, в лесу и на лонине, и до кухни донослаесь дулы стенового, ручных и колесовских пулемстов.

Война на нашем участке приняла как бы позиционный характер, и это было вынуждено врагами: мы медляли в лесу, они же отстреливались в блиндажах. Поковник делал все, чтобы провать финскую оборону. На завтра намечалась наступление.

Рощин куда-то исчез. Он вернулся взволнованный.

— Вот увидишь, пойду к поковнику, — говорил он, как бы утражая. — Наступление, а мы у кухни!

— Не отпусти!

— Отпусти!

Вечером Рощин пошел в штабную землянку. Он влез в дыру, запертую мешковиной, и робко сбирался, опустился на корточки. Топилась железная круглая печка. У печки сидел поковник. На нем не было шапка. Поковник был лыс, и его голова бастела от света крошечной эастритической лампы.

— Кто ты? — спросил он.

— Это я, повар Рощин, товарищ поковник! Все на передовых, за что же нас на кухню поставили?
— Как же ты? — изумился поковник. — За расторопность вы с Гриндесым переведены.

— Ночью ли перенести в батальон обрешетку?

— Почему вдруг в батальон? Он в наступлении, там страшнее.

— Ну, как бы нам сказать, товарищ поковник? — Рощин замолк и не мог сразу подобрать слов. — Тут сам не видишь, как воешь.

— Видим, видим, — сказал поковник. — Ну, если хочешь на передовую, так сейчас поговори в бой с начальком командир батальона, а то мне некого послать.

РАНИЛИ КОМАНДИРА

Осколок финского брэнзентного снаряда ударила командира батареи в плечо. Алая кровь брэнзенту ему в лицо и обляла грязный полушубок. Он помалка правой рукой — и артилаеристы зарыдали пушки. Командир взял рану и крикнул:

— Бегамы отбег от врагам, батарея, огонь!

Раздался залп сразу двух пушек.

ПАТРОНЫ МЕДВЕДА

Он был человек и, как каждый человек, думал, что он бессмертен.

Тело его вздрогнуло. Он посмотрел на меня, и глаза его звали к себе:

— Хотелся жить, жить хочется, я так мало сделал.

— Ну, что ты? — сказал я.

— Не говори. Умираю. Дай я тебя пошеду.

Он подсаивала меня холодными губами в щечку и, сказав: «Возьми мои обоймы», — умер.

Рисунк Е. Ведерикова

Пулеметчики перед выходом на передовые позиции.

Кстати, там спросишь, нравится ли твой стрелять.

Рощин вернулся озабоченный. Он поведал меня в землянку:

— Иду на передовую.

За стеной в соседней землянке, где помещалась госпиталь, раздался дуперающийся крик: кому-то сделали операцию.

Рощин прислушался:

— Ружь, наверно.

— Возьми две моих гранаты.

— Не надо, глупо.

Мы нивариам котелок для пулеметчика Масловых в Рощин, замочив котелок под гимнастерку, ушел в лес, откуда слышалась пулеметные дулы.

Не прошло и четверти часа после его ухода, как обсал кухня повинулась писарь полка. Он разыскивая повара.

— Что, поковнику обед? — спросила я.

— Нет, какой там обед!

— Зачем же тогда Рощин?

— Поздравить хотя: медалью парня наградили. Так на передовой, значит?

Писарь наика кружку горячего чая, вынул сухари и сел на оглобли.

И мысленно видел, как от дерева к дереву крадется к передовой Рощин.

Что умеет девятый «А»

Если бы о характере целого класса можно было говорить как о характере одного человека, мы бы сказали, что этот девятый «А» — очень добродушный и жизнелюбивый класс. Он немножко мечтает, немножко фантазер, легко увлекающийся и почти так же легко остающийся. Но все это видно только после третьей, четвертой, пятой встречи. А на первый взгляд эти девятиклассники — просто начисто очень милый и симпатичный народ. Когда сидишь у них на уроках или разговариваешь с ними, приходишь к мысли, что неплохо было бы самому превратиться в девятиклассника и учиться в 546-й школе, в этом самом девятом «А». Вместе с классом проектировать всевозможные и невозможные театры и пробы; ходить по парадным в театры; получать какую-нибудь роль в классном спектакле; завидовать «Архимеду» — Сергею Яблонскому, который давно уже обогнал класс по математике и подбирает к программе 10-го класса; участвовать в немного бестолковых сборах за город, в гости к Люсе Кариевой... Но стать девятиклассником невозможно, можно только писать о них. Ну, что же, и это неплохо в конце концов.

Обычно старшеклассники да, собственно, и ребята помладше, очень много говорят о дружбе. Многие школы и классы устраивают диспуты на тему «Что есть дружба». Кажется, стоит провести такой диспут, как моментально сами собой улягутся все споры и раздоры, враги собьют друг друга, друзья забудут свои разногласия, и даже в самом сварливом классе возникнет тишина и мир на веки-вечные.

Но случается и так: школьники, в течение многих часов высказывая во всех деталях, как надо дружить и как дружить не надо, на следующий же день нарекпо спорятся из-за чистейшего пустяка. Это напоминает слова чистейшего идеала, которые являются о борьбе за чистоту, вместо того чтобы подметать. Так вот эти диспуты напоминают такой пакляк в неподметанной комнате. Это, разумеется, говорится не в отношении класса вообще. Но не слишком ли много у нас расщудают о дружбе, вместо того чтобы дружить, не мудрствуя лукаво?

В девятом «А», кажется, и диспутовать о дружбе не было, а дружить. И хорошо дружат. Все вместе и в отдельности, по группам. Все вместе ходят во воскресенья в клуб Московского университета слушать лекции по литературе (класс изучает коллективный альбомчик). Все вместе отправляются на прогулку или на лыжную вылазку. Все вместе, общими усилиями добились классу почетную грамоту за хорошую учебу и заняли первое место в школе в конкурсе «Деловые и бесбедные потеряли его потому что еще вместе решили, что класс сделал свое дело, класс может отдохнуть».

...Класс фантазирует. Фантазия рождается и умирает. Самые стойкая из них родилась в начале года, когда ребята не расставались на лето, отправляясь отдыхать всем вместе на озеро Селгерь.

Пока что решается вопрос о средствах. Есть несколько предложений: завести общую сберкнижку и вносить туда кто сколько может; подыскать какую-нибудь работу и собственным трудом заработать нужную сумму; поставить платный спектакль. Вопрос еще не решен, но класс фантазирует. В процессе фантазия выглядит так: класс в полном составе, с рюкзаками за плечами, отправляется в путь, дергая курс на северозапад, и разбивает свой лагерь на засосе. Берут в лагерь котлет, и, конечно, в палатках варят суп. Конечно, на кострах, поджигая преимущественно бревно, изловленной собственными руками, при помощи собственноручно сделанных удочек, передвигаются только пешками.

И вот она, эта житейская: горят вечерние костры, кивит уха в котелках, потрескивает кар-

тошка в горячей воде, внизу плещется темное озеро, двадцать семь краснокоря, мускулистые, совершенно неузнаваемые девятиклассники вытаскивают сучья от огня.

Муден Селгерь при тихой погоде! А если гроза? Прекрасно, тогда девочки забираются в палатки (дочери простудят!), а мальчики срочно убирают с территории лагера все, что можно убрать, покрепче засасывают котлы, чтобы ветер не унес легких лагера, назначают часовых. Или, наоборот, мальчики забираются в палатки (мальчики простудят!), а девочки срочно убирают все с территории лагеря, выключают котлы.

Но это, в конце концов, детали. Главное, полная самостоятельность. Там все будет делать своими руками. А काम они, эти ребята, много ли они умеют?

Что умеет девятый «А»? Стал вспоминать. Вспоминали, что Герман Булгаков, когда у него была больная мать, готовил обеды для всего семейства: борщ, супы, котлеты, компоты и еще как-то непонятно сладкое из белков, сахара и яйца. Что Игорь Алявдин корчевал вин на загородном участке. Что Вера Сурова помогала матери выполнять срочный заказ —шить несколько десятков трусиков для детского сада. Что Лена Мартынова сама скрала и шила себе кофточку, а многие девочки умеют вышивать... Значит, все в порядке? Класс может отправляться в дальнюю дорогу?

Стал еще вспоминать. Вспоминали, что если зайти пориниче к Юре Б., можно увидеть, как мама или сестра застывает его кровать. Что в классе есть такие, которые все подолжало в горло вылезли, обещав сделать, а не сделали, чулки заштопали, но вымыт. А они старшие и сильные люди, считают это в порядке вещей. Что хотя Лена Мартынова и шила себе кофточку, но большинство класса шило в жизни, и вышивало вышивало, но не было бы синты их собственными руками. Что в классе есть ребята, для которых самые сложные блюда (не из тех, которые приходится есть, а из тех, которые приходится готовить) — это картошка в мундире и ангина.

Негладные, развзтые люди, которые разбираются в сложных проблемах математики, глубоко погружены в исторические процессы, не умеют делать самых простых, необходимых вещей. Руки отстают от головы.

Отчего это происходит? Нет ли здесь преобращения к простому, физическому труду?

И тут был рассказан такой грустный, хотя отчасти и смешной, случай с одним из школьников. Этот молодой человек довольно хорошо учится, недурно играет на роле, увлекается спортом, но он не любит одного простого и полезного дела, он не любит ходить за керосином. Не то, что ему труднее просто это ему кажется как-то несоответствием со званием человека, кончающего среднюю школу. Но иногда случается так, что кроме него никто из учеников некому. И он, вопреки воле идет. Но идет каким-то странным путем: вместо того чтобы просто перейти дорогу, он проходит через двор, спаривается в какой-то переулке, подлезает и изобретает себе проходной дырочкой выходит к нефтедаче. В два или в три раза дольше, но он не жалеет времени: дело в том, что если бы он шел прямо, то сколько бы ему пришлось вынести керосина, он столкнулся с девушкой, которую он меньше всего на свете хотел бы встретить в то время...

Из этого уже материал для юмористического рассказа. Так тут интереснее думать: почему школьник так стыдится простого труда? Вряд ли

товарищи стали бы его презирать, увидя с собой.

Скоре — другое: он сам презирает простую, «изнуряющую» работу. С теннисной ракеткой в руке он ходит очень охотно (хотя в теннис и не играет, ракетка для него — скорее принадлежность туалета). Но с быдлою — ни за что, хотя он ест и пьет все, сваренное на керосине.

Скоре — девятый «А» только платонически любит труд. Он признает труд, но не любит. Он говорит: действительно, необходимо уметь трудиться: это нам понадобится, когда начнется настоящая жизнь, когда мы станем самостоятельными. Этого потребует армия. Хотелось бы внести поправку в это правильное рассуждение — перевести все из будущего времени в настоящее. Не нужно считать, что в настоящее время не надо уметь трудиться, когда начнется жизнь? Она уже началась, и она сегодня требует от нас самостоятельности и в малом и в большом. Надо уметь трудиться и в отдаленно, а самому уметь трудиться и не только получать постель и сварить картошку, слодить за керосином — это, в конце концов, уметь все... но уметь делать и более сложные вещи: звонить таксисту, делать слуховой аппарат, делать сложный звонок, починить радиоприемник, привести в порядок забывающийся стол, сколотить табуурку... Быть хозяином вещей, которые тебя окружают. Но только потому, что будучи такой случай из жизни девятого «А».

Класс староста «Юрия Годунова». Как известно, в XVI веке в царских хоромах на великих筵ках не сидели. Но в школе не нашлось никого более подходящего, кроме Борису Годунову (он же Герман Булгаков) пришла в голову блестящая мысль. Он раздобыл шпун, алесра и в пустом классе и через некоторое время явился с винным столом табуурки. В ней недурно было угадать бывший стол, у которого отпилили спинку. «Борис, Борис, все пред тобой трепещет», — но тут пришлось затрещать в слезы. Борису история табуурки дошла до директора. Класс безответственно, но Герману достался.

Не умеют стилиничать в девятом «А». Могут стилиничать в старших классах, но не умеют, не хотят. Хороши, согласны. Но все-таки из них и более простых вещей делать не умеют. Кроме того эта наука вполне подлежит изучению. А то живет такая неуемная чертота, которая не умеет стилиничать, стили толком не умеет и считает, что так оно и должно быть.

Герберт Уэлс в одном из своих фантастических романов нарисовал человека будущего с огромной, как котел, головой, тысячами теленем и жилами, беспомощными ручками и ножками. Символ торжества техники, которая изгоняет человека от физического труда, предоставив ему труд умственный. Этот не сколько ироничный портрет никак не соответствует нашим представлениям о человеке будущего. По-нашему, человек будущего — это человек с такой же головой, с такой же тяжелой головой, который не боится самых сложных проблем, и сильные руки, которых не страшит никакой труд.

Молодой человек нашего времени — это в целом человек будущего. Он должен быть готовым ко всякой случайности, он не должен теряться ни при каких обстоятельствах, а для этого надо иметь не только твердую волю в насущном смысле своего дела, но и умелые, сильные руки.

В заключение нам бы хотелось найти в девятом «А» человека с умелыми руками, который мог бы служить образцом для других, и вносить ту сумму, которую бы хотелось уподобиться Агафье Тихоновне — ирешительной невесте из големской «Женитьбы». Помните, как она рассуждала: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь разнзности, какая у Балтазара Балтазарича, да, пожалуй, прибавить к этому еще додочность Ивана Тихонича...»

Так, в заключение, хотелось бы пригласовать едлы Германа Булгакова, да приставить к шноркелу Игоря Алявдина, да прибавить ловкие руки Веры Суровой... Вот тогда, может быть, и получился бы то, что нужно. Но, пожалуй, в этом смысле школьному человеку пришлось бы еще многому научиться.

ТРОФИМ ЛЫСЕНКО

Почти нет людей в нашей стране, которые не слышали бы о Трофиме Демитриевиче Лысенко, как бы ни были далеки эти люди от сельского хозяйства, от биологии, от науки вообще.

С именем Лысенко соединено представление о совершенно исключительных научных достижениях.

Обычно ученик выбирает себе какую-нибудь одну, много две—три проблемы. Он посвящает им всю жизнь. И когда дело сделано, открывает совершенно, им возможный, азовым школьным строчкам иной всей этой жизни, полной молчаливого, уверенного, неотступного труда.

Но не прошедшие и года, чтобы Лысенко не прозвучал в науке какой-либо «всплеском». Он словно дергает биологов, ботаников, генетиков, селекционеров в состоянии постоянного напряжения. Вот возникает в науке как-нибудь задача, запутанная и острая. Лысенко выступает со своими предложениями. Можно затронуть сказать, что эти предложения будут доложено-новаторскими, климат на какое-то останется от испытанных шаблонов и привычек междов. Кажется, потребуются годы (если не десятилетия), чтобы только обосновать законность таких предположений и затем, если угодно, поить на завтрак.

Но минуя месяцы, и для Лысенко возможна эти предположения — уже вчерашний день; уже ученый мир обсуждает их, спорит о них, а Лысенко уже шагает дальше вперед, открывает новые, никому не предвиденные возможности...

Бабуку вырастает в год на несколько метров. С таким ростом хочется сравнить опыт науки, связанной с именем Лысенко. О нем нельзя сказать споконюжно, исследуя, что стаяло для вышележащих: тут будет все сказано, все подпитано, все разложено по полочкам.

Нет ни одной области заведательства человека над землей: мерен растений, мерен животных, мерен бы работы Лысенко. Да и только ли растений касаются они?

Затрагивая день в работах Лысенко так тесно слит с сегодняшним, что почти бесконечно фантазировать о перспективах, которые «открыты» эти работы: то, что было перспективой вчера, сегодня уже осуществлено, мало того: совсем новое, вовсе нежданное узкаям «днем и ночью».

Есть еще одна особенность в деятельности Лысенко: вся она направлена на самое настоящее, самое важное, чего требует наша страна от биологической науки и от главного, может быть, приложения ее — от сельскохозяйственной науки.

***

Два года назад, в январе 1939 года, был поднят вопрос о создании сорта пшеницы и ржи, приспособленной к условиям южной Сибири. Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета партии требовало, чтобы это было сделано в очень короткий срок: 3—5 лет для пшеницы и 2—3 года для ржи.

Речь шла о передаче живого организма (слово это вещь, произведенная руками человека), о передаче ему своего нового свойства, какими он никогда не обладает.

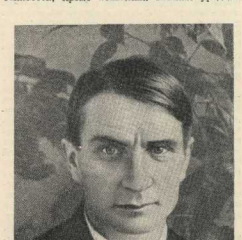
Впервые через 80 лет после того, как в дарвиновском «Происхождении видов» были установлены законы эволюции, эволюции, вставая в человеческое русло, ставала задачей государственного социалистического плана.

Лысенко предложил выбрать десятки тех малорознородных сортов пшеницы и ржи, которые обычно сеялись в Сибири, и эти «исходные» выбрать методом «в 1-х местных и примозных» — пшеницы, то есть попросту выбрать вокруг них другие сорта. Затем у каждо-

го растения пшеницы на окошкованной деловидно надо выстричь тавинки. Такая пшеница не сможет самоопыляться, ей придется взять пылью, которую ветер принесет от посеянной вокруг выбора «сучки» сорта. А у ржи и тавинки выстригать не надо: рожь и так никогда не опыляется пылью с того же колоса.

Лысенко утверждал, что из семян, которые мы соберем на окошкованной культуре, то есть из семян, которые заведуются от чужой пыли, непременно вырастет более сильное, стойкое ко всем невзгодам поколение.

В этом предложении все противоречило «вечным» генетической науки. Селекция, предостережена на волю ветра! Что может получиться от этого, кроме потерь всех сортовых особенностей, кроме позавледи жалких уродцев.

а которых беспорядочно смешаны свойства разных сортов?

Генетики рассматривали живую организм как своего рода атомот.

Они разделили в нем две резко различных части, вложенные одна в другую: «тело» и «существо» наследственности. Все развитие живых существ, передача от родителей к детям всех их признаков, и особенностей зависит от «наследственного вещества». Генетики нашли «адрес этого всемогущего вещества»: оно внутри крошечных клеточных ядер, в тех случаях, покоящих на хромосомах или нитях, которые становятся заметны только тогда, когда клетка готовится разделиться на две. Эти нитица называют «хромосомами». В них, то есть в хромосомах, и находится это новое, невидимое «наследственное вещество» — гены.

Что такое «тело»? Только футляр для хромосом, только «оболочка» продукт «существо» наследственности, некий «защитный барьер на ген!».

Когда мы говорим о сорте, важным именно этим. Они определяют особенности каждого сорта.

Никакими воздействиями на тело нельзя изменить генов. Никогда они не меняются сами собой; человеку лишь остается выкапывать этих случайных, от него независимых, «вещей». При «скрещивании» «вещество» наследственности отца и матери соединяется по законам случая. И по какому-то случаю эти два соединяются «вещество» наследственности комбинируются и «скрещиваются» у потомства.

Генетики очень гордились тем, что при их участии ученые о наследственности стало как-

бы равнозначной теории вероятности, ветвью математики, точнейшей из наук.

И в самом деле, генетика выросла в знание точное, строгое и... малотеистическое. Оно обывало пыльной надвоем, которые возглавил Дарвин на человеческое взаимодействие в делах живой природы. Генетики считали «удачным практиком», чем-то вроде «полузнакара» великого Мичурина и вовсе не желали видеть создателя им 350 лет «вещей».

Человек — лишь «существо» — вот вывод, который подкапывала «классическая генетика»; в лучшем случае человек — комбинатор «внешней живой природы, но не творец их!».

***

А на лысенковских деловидных из семян, вышедших «сучки» пылью, вырастала прекрасная пшеница. Где же обещанные генетиками «кажущиеся урожди»? Кажется, что свежая кровь пришла к старым сортам и устремилась. Видимо, не случайный упрямый отбором одолотворившей пылью: пшеница с остриженными тавинками избрала пылью, от которой завязывала семена!

Эту «исключительную» способность растений Лысенко в свое время назвал прекрасными словами: «брак по любви».

А теперь Лысенко пошел еще дальше. Он объявил, что даже на ярого сорта, совершенно неизменного, можно вывести сорт, который будет яновать а промершей земле сибирских степей.

Можно, утверждает Лысенко, «расширять» яровую наследственность у пшеницы. А затем начать ее воспитывать. Сесть ее не весной, а осенью, в первые зимы «оберега» от влияния сильного холода, и в течение 2—3 поколений на месте расставленной яровой создается новая, озимая наследственность.

Воспитание как «сорт» создания новых форм жизни! Это, может быть, самая гордая, самая величественная и самая человеческая глава биология — преобразование природы!

Однако как можно даже подумать о перестроении «вещества» наследственности!

В том-то и дело, что для Лысенко давно уже стала нона мифичность «вещества» наследственности. Такого вещества, причисленного в организм, не существует. Совсем иные законы, более прекрасные и более глубокие, управляют жизнью...

***

Все это избыток силы нападения на правоверную генетику началось 15 лет назад, и поводом для его начала послужил совсем незначительный факт.

Трофим Лысенко, сыну крестьянина-середняка из украинского села Карюны, было тогда 27 лет.

Он окончил полтавское училище садоводства, затем Киевское двухгодичные курсы по селекции. Наконец, не оставив работы, получил высшее образование в Киевском сельскохозяйственном институте.

Может быть, только особенное упорство видодела Трофима Лысенко: жалость к знаниям и неуверенно доверие по раю выхожденной дороге. И еще одна очень характерная черта: сына ашана он стремился немедленно превратить в дело.

В 1925 году Лысенко назначили а Азербайджан, в Ганджу, на опытно-станцию, младшим специалистом по селекции бобовых.

Да ставшая это была побоянная работа. Главнее был хлопок, «белое золото». Летом на него уходила почти вся сила производственных каналов; бобовые оставались а забросе.

Вот это тыква!

Лысенко начал с небольшой ершковицы на поручном ему участке. Он не стал дождаться весны: он высел горюх, вынул кокадые бобы, чечевицу осенью, когда, кстати, было сколько угодно свободной воды.

Естественно, он омыл, что предоступило ему лучше всего вынесту сорта наиболее рассеянные, те, которые развиваются быстрее всего. Но весной 1926 года раньше всего на делянке горюх посеял «авторитет» — это самая «авторитарная», которая на Украине никогда не торчалась завершить свой короткий горючий язык.

Что в этом было особенного? Пустыковая невестка. Одно из тех исключений, о которых принято думать, что они подтверждают правило.

Но тут оказалось еще две отличительные особенности Лысенко: вранья деля человека, который с детства своими руками привык выращивать растения, и придирчивое недоверие к исследователям, свободному от предвзятости пера «авторитетов» и установившимся «правилам».

С необычным упорством, вне всяких рамок своих скромных исследовательских обязанностей он начал выселять и выводить из сельскохозяйственных культур, в числе которых были и злаки: рожь, пшеница, ячмень. Он выселил их каждые десять дней в течение почти двух лет — и летом, и осенью, и зимой, и весной.

И вот оказалось, что один и те же сорта относятся к озимым, то яровым, в зависимости от срока посева, от условий, в которых они попадали. Холодная весна ускорила жизнь многих поздних сортов, делала их яровыми, ранними!

Стало ясно, что не один срок наследственности — наследен анад судовой растений.

Все эти «эксперименты» и «внушения», «удушение отголосков» — на самом деле следствия жестокого нового для науки закона. Эти законы удивительны, на первый взгляд они могут показаться даже парадоксом.

По этому закону, получается, например, что рост и развитие — не одно и то же.

Растение может расти и не развиваться, как озимая пшеница, посеянная в теплице, где оно никогда не колосится; растение может развиваться и почти совсем не расти, как какой-нибудь крошечный стебелек той же озимой пшеницы у доросли из случайно оброненного зернышка.

Означимо, явным каким-то особым условием, чтобы растение в одной ступени развития поднялось на следующую.

Так родилась стадийная теория развития растений.

Холодная весна ускорила развитие озимого растения. Значит, в начале своего развития оно должно пройти какой-то «ступеньку», какую-то «стадию», и без холода ее нельзя пройти.

Но почему эту первую ступеньку развития можно назвать стадией температурной (потом за ней ускорилась иная стадия яровизации).

Летом 1929 года Денис Никанорович Лысенко, крестьянин села Камышеватинское и отец молодого агронома, в первый раз за все то время, что люди занимаются земледелием, собрал урожай — да какой урожай! — озимой «ступеньки», посеянной в с.п.п. Перед посевом он омынул мешки с зерном, тронувшимся в рост зерном в свет, и пшеница прошла стадию яровизации.

Когда Лысенко рассказывал на лекциях о стадийности генетическом «сезде об удержании развитии растений, его выслушали и... перешли к очередным делам. Тогда он был один против всей генетической науки. И все же он упорно, с величайшей настойчивостью продолжал свою работу.

Но шлет 1929 год «год великого перелома». На смену старой, мелкобуржуазной, социалистической деля деля Лысенко, социалистической.

Тогда впервые появились в газетах слово «яровизация».

Вся страна поняла, что несет с собой открытие Лысенко.

Исследования, начатые Лысенко, подхватили тысячи коллективов ученых на Украине, в Казахстане, на Хибинах и в гаванских грядках превратились в десятки тысяч гектаров колхозной земли.

Яровизация, проводимая сейчас на десятках миллионов гектаров, дает ежегодно стране сотни миллионов пудов прибавочного урожая.

* * *

Лысенко полагает, что весь цикл развития озимого семенного растения заключает в себе 4—5 стадий. Не все они еще изучены. Пока известно только, что за стадией яровизации следует стадия цветения. Для семенной стадии важно количество света, получаемое растением в это время его жизни.

Открытие следовало за открытием.

Была выведена причина всеобщего неудач с посадками картофеля на юге. Справно вырождающийся картофель, посаженный в южных районах, всегда постигало ту же участь. Вырождение оказалось «стадийной старостью». Кто же слышал о летних посадках картофеля, поразительно простым способом удалось избежать явления которого победоносная картофельная старость и губительный для картофеля юг сможет быть превращен и в картофельную летнюю? В 1926 году под летние посадки картофеля было взято уже 150 тысяч гектаров.

Нет, не по теории вероятности смешиваются при скрещивании признаки у живых существ. Истинные законы наследственности ускользнули от внимания генетиков. А когда эти законы, можно, например, подобрать два организма с нужными особенностями и наверняка вывести от них новый сорт — такой, какой нужно. И тогда, когда в жизни человека не все время существования селекции, создаваемой сорт яровой пшеницы для Одесской области, предлагая заранее все особенности этого сорта с полной точностью, с какой восторгом представляется солженицынскому.

Но если жизнь есть подлинный процесс развития, изменения, а не механическое размыливание вперед заданного «судьбы генов», то разве нельзя, поставив организм в новые условия, на определенной, точно известной стадии его развития, передать и самому его наследственность?

Когда впервые озимая пшеница «кооператорка» была «яровизована» в яровую, это было одной из величайших сенсаций в ботанике за последние десятилетия. Один пытался отрицать самый факт: ничего не случилось, тут только временные изменения пройдут малый срок, и их как ветром сдует. Другое с важным тоном возражал:

— Удивительно, но «кооператорка» в самом деле такой! Так ведь это же только игра, опыт для опыта! Не превратить озимую в яровую ну никак, а создать еще какие-нибудь растения, завоевать для хлебов неотъемлемый суверенитет север...

А Лысенко знал, что наука не должна оставаться «игрой»: она должна служить стране. Милливола немного лет — и узнавший язык может превратить не только озимые в яровые, но и придавать яровым качества, небывающую до того, для озимых.

Три года назад Лысенко начал за совсем новым, поистине скользящую область работы — за «ветегативной гибридной» Речью идет о растительной хирургии, о прививке растений друг на друга: тоже для изменения их наследственной природы. Срастаются соединяемые вместе сорта картофеля, помидоров, баклажанов, пасленов. И эти растительные «удушения» живут, как единый организм. Искет Лысенко теперь нам понятна: не мыслить, чтобы такое соединение двух живых существ осталось только внешним, должно получиться — и получается! — глубокое сроднение, сливание «удушений» двух разных растений.

Лысенко увидел в ве-

гетивной гибридной средство ускорить создание новых растений, нужных нашей родине. Гибриды, которые никак не получаются обычным путем, можно массами получить, прививая упрямые растения друг на друга. Этот метод возмужает почти сразу. Персиком «вофиты». Мы с Лысенко — шло Лысенко в 1938 году — гибриды картофеля с георгинами, картофель с томатами, бобы с фасолью, фасоль с горохом, гибриды между разными породами, абрикосами и вишневыми сливами, терном; гибриды лаванды, мадагаскар, алычи и в других широтах с диким предостроением папоротком, значительно более устойчивыми и морозостойкими.

* * *

Ничто не возникает из ничего. Преддественностями Лысенко были Дарвин, Тимирязев, Мичурин. «Нет лысенковской теории» — есть мичуринская теория! — любят повторять Лысенко.

Работа его идет в русле великих традиций биологической науки, знает забытых буржуазных биологов.

Только в Советской стране могли так широко развернуться исследования Лысенко и в кратчайшие сроки дать такие результаты.

И все же мы находимся только у начала одного из крупнейших переворотов в биологии.

Первые опыты Лысенко были сделаны на опытах с «воздушной» семенными растениями. А теперь уже проведен опыт обилиями выведенных гибридных формой наших южных городов, как же, как были обильнее пшеничные поля.

Мечты о переломе садах под Москвой — сейчас далеко не фантазия.

Лысенко говорит о таких вещах, перед которыми, отступил бы со смущением сам Герберт Уэлс, например, когда бы хотел изменить пшеничный колос, скажем, сделать его похожим на метелку, как у проса (на сколько же больше зерна поместится в нем тогда!), или сделать пшеницу, которая горит наукою кока-калыга так, чтобы она стала подобно толстому сорному корню сволочи.

Несомненно, идеи Лысенко гораздо шире даже их богатейшего приложения. Они позволяют видеть совсем новые существа — и животных и растений, являя в сути се.

Недаром и энтузиасты подхватили их и биохимики вывели за химическое обоснование теории стадийного развития.

На наших глазах будут одержаны советской мичуринской наукой великие победы в борьбе человечества с природой.

Спор с «праворожденной» генетикой еще не завершил. Но уже можно предвидеть, к чему приведет «борьба с бытием» в генетической науке.

Коротко два направления: спор с немцами.

Одно направление смотрит назад и кличет прошлым; другое направление ищет путь вперед.

Одно доказывает бессилие человека перед роком «наследственных» свойств; другое уверяет в безграничном могуществе человеческого знания.

Одно зовет разрабатывать организм на две части — «сородную» и «столбовую»; другое говорит, что живое существо — не колода карт и не спор с выжившим.

Одно утверждает, что между измененными наследственными и неизменными есть стена, через которую невозможно перешагнуть; другое понимает, что многие неизменительные изменения могут стать наследственными и человеком в силах добиться этого.

Одно убеждено, что природа создана, одно — утверждает, что природа создается, одно — утверждает, что природа создается мухе, выведенной в лабораторию, можно создать обо всех животных и растений каких угодно, другое же утверждает, что можно изучать настоящую, живую природу, а не кабинетную схему, чтобы получить подлинную аналитическую природу.

Григорий Лысенко — аграр.

ЗОРКИЕ ГЛАЗА

МАЛОР В. ДЕРМАН

Обычно на поле боя действуют больше и малые подразделения пехоты, танки, артиллерийские орудия. Все это довольно крупные цели. Казалось бы, их легко заметить простым, незаоруженным глазом. Но это далеко не так. И бойцы пехоты, и танки, и пушки так хорошо маскируются, что совершенно сливаются с окружающим ландшафтом. Нужно очень острый глаз, чтобы вовремя на каку-нибудь пустынном фоне местности отыскать

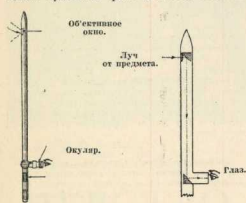

Рис. 1. Перископ типа «Разведчик».

противника и разгадать его хитрый замысел. Поэтому искусство наблюдения является одним из самых ценных качеств бойца и командира.

Работа наблюдателя нелегка; она требует большого внимания. Чтобы облегчить наблюдение, очень часто пользуются оптическими приборами. Чаще всего это бинокль, увеличивающий изображение в 6—8 раз. С помощью бинокля можно отыскать на поле боя даже хорошо замаскированные цели.

Но не всегда можно пользоваться биноклем. Представьте себе, что вы находитесь в обороне, сидите в окопе. Если вы будете приподниматься из окопа, чтобы в бинокль осматривать

Рис. 2. Наблюдатель с перископом в окопе.

местность, то вы себя легко обнаружите. Как же избежать этого? В таких случаях обычно пользуются другим оптическим прибором — перископом. Устройство перископа вам станет ясно, если вы воспользуетесь уроком физики, как преломляется луч света и каковы законы их отражения. Разобраться в этом вам поможет рисунок 1-й.

Перископ имеет большое значение в военном деле. При помощи его ведут наблюдение не только на суше, но и в море: вы одна подводная лодка не может обойтись без перископа. Преимущество его в том, что наблюдатель располагается в укрытии, как это показано на рисунке 2-м и 2-а. Вы видите, какую не-

значительную величину представляет собой выдвинутый вверх конец перископа. Легко ли заметить его даже на маленьком расстоянии, в полтораэта — десяти метрах?

Однако, даже пользуясь приборами, иногда трудно бывает отыскать укрытые цели. Тут нужны определенные приемы, навыки, сноровка. Посмотрите на рисунок 3-й. Вы видите поле, холмы, кусты, рощу. Если вы станете смотреть как обычно, не придерживаясь какой-либо системы, то можно с уверенностью сказать, что многого вы не заметите.

Наблюдение принято вести с одного какого-нибудь фланга (лучше с правого), последовательно осматривая всю местность. Нумерованные линии на рисунке показывают тот путь, по которому направляет свой взор наблюдатель. На возвышенных местах (они обозначены жирным штрихом) глаз наблюдателя задер-

Рис. 2-а. Наблюдатель с оптическим перископом.

живается, осмотр производится детальный. Не трудно догадаться, что здесь остановиво наблюдателя; в этих местах легче всего укрыться противнику.

Каждую выемку на местности, всякий бугорок, кустик, кочку нужно заранее заметить в окопе.

Вот что произошло однажды во время боя на Халхин-Голе. Утром, едва стало светать, наши наблюдатели, внимательно глядя на выемки в очертании местности, заметили перемену: во многих местах появились какие-то маленькие бугорки.

Правда, такие кочки были и вчера, но от вынужденного выгладя наблюдателей не укрылось, что их стало значительно больше. «Не могли же они вырасти за ночь!» — недоумевали бойцы и сразу же доложили о своем наблюдении командиру. Вскоре стало известно, что появившиеся за ночь кочки — это замаскированные фигуры японских солдат. Пользуясь темнотой, они выгладя на этот гробовый видный потопик к утренней атаке наших позиций. Пулеметчики и стрелки, по приказу командиров, открыли сильный огонь, и в результате японские «кочки» так и остались на пути.

Часто какая-нибудь мелочь может выдать тайну противника. Во время первой импера-

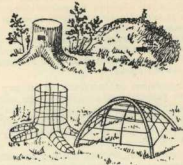

Рис. 4. Ложный выем и бугор с отъединением для наблюдения. Внизу — карандаш для выем.

листической войны был такой случай. Одним из наблюдателей-французов заметил необычную на поле боя цель — кочку. Доложил офицеру. Сначала этому не придали значения, но потом, когда кочка появилась еще раз, наблюдатели догадывались что-то неладное. «Раз есть кочка, — значит, есть и люди», — рассуждали они и снова доложили о кочке командирам. Те решили проверить: выходы наблюдателей артиллерийскими снарядами. Несколько батарей открыли сильный огонь. Вместе с гудами земли взлетели вверх деревянные перекрытия какого-то оборонительного сооружения. Впоследствии было точно установлено, что там располагалась немецкий командный пункт. Этот пример поучителен не только потому, что он наглядно показывает хорошую способность наблюдателя, сумевших отыскать мелкую «кочку»; тут важно и другое, а именно: умение делать правильные выводы из результатов наблюдения. Это — очень ценное качество наблюдателя.

Всякий раз нужно вдумчиво отнестись к тому, что обнаружено на поле боя, и дать себе ясный отчет о происходящем. Не раз правые и важные выводы о противнике делались благодаря простой смелке бойца. Приведу один из подобных случаев. Наблюдатель — немец внимательно осматривал местность в заданной ему полосе. Прошли час — два — ничто не предвещало близости противника; пока поперечные балки мостов, пустым. Но вскоре одна деталь, которую заметил наблюдатель,

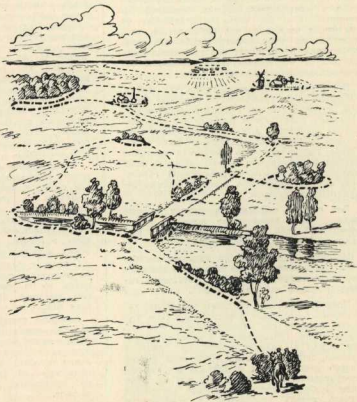

Рис. 3. Как надо осматривать местность. Тонким штрихом показан безалайный осмотр, жирным — детальный осмотр.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

заставила его насторожиться. Птица, деловито опуская леса, круто изменила направление своего полета. Через некоторое время и другая пролетающая в этом месте птица так же неожиданно шаркнула в сторону. В обычных условиях вряд ли кто-нибудь обратил бы на это внимание, но сейчас для Мишкина это была важная примета.

По доносившему наблюдателя, на окрестные леса послали разведчиков, которые вскоре доставили командиру о подготавливающейся там засаде противника. Зоркий глаз Мишкина, его житейский опыт позволил своевременно раскрыть замысел врага.

Внимательность, знание примет, способность разгадывать все то, что происходит вокруг — вот необходимые наблюдателю качества. Без них он не сумеет обнаружить противника, не сделает правильных выводов и ложные действия врага сойдет за настоящие.

Одним из наблюдателей ушел на дороге пыль. «Наши войск в том районе нет», — значит, по дороге двигаются части противника», — решил наблюдатель. А так как об этом было известно довольно давно, то он сделал вывод о направлении движения крупных колонн и доносил об этом командиру. А потом оказалось, что противник скитался по этой дороге была пущена машина, следы которой привели к нескольким большим метам. Поднятая ими пыль обманула наблюдателя.

В бою не всегда наблюдательный пункт бывает точно указан командиром: часто наблюдателю приходится самому решать, на какие деревья залезть, как использовать окружающие предметы для того, чтобы лучше видеть противника, а самому быть хорошо укрытым. В населенном пункте наблюдатель может обосноваться на крыше дома, в саду, на крыше сена. В лесу он может выбрать высокое дерево, расположенное на некотором расстоянии от опушки леса. Но никак нельзя устанавливать наблюдательный пункт в местах, которые могут привлечь внимание противника: односельское мельница, церковь, заметный издалека в первую очередь простреливаются из пулеметов и орудий врага.

Наблюдательный пункт следует хорошо замаскировать, чтобы он не выделялся на общем фоне местности. Поэтому заранее нужно хорошо изучить самые разнообразные средства маскировки. Взгляните на рисунок 4 (стр. 27). Здесь изображены ложные предметы, замаскированные с помощью которых легко построить всевозможные местные предметы. По внешнему виду они ничем не отличаются от настоящих пней и буров. Наблюдатель, расходясь по ним, укрывает себя от взоров противника, а сам имеет полную возможность следить за местностью через небольшие отверстия, сделанные для этой цели.

В первую империалистическую войну, например, наши артиллеристы в районе Суэцкого устья создали наблюдательный пункт. Немские наблюдатели приняли это сооружение за настоящие, доложили командиру, а те в свою очередь распорядились открыть огонь. Около тысячи солдат и офицеров немские батареи по совершенно пустому месту. А наши наблюдатели, воспользовавшись этой стрельбой, сумели обнаружить огневые позиции неприятельских батарей.

Вот почему наблюдатель должен хорошо видеть, знает примета, по которым можно обнаружить цель, уметь маскироваться и разгадывать маскировку противника.

Несомненно, это само не приходит: искусством наблюдения нужно овладеть постепенно, систематически тренируя зрительную память, развивая наблюдательность.

Попробуйте вместе со своим товарищем хорошо рассмотреть в рисунок 3-й (стр. 27). Затем закройте его и расскажите о том, что вы заметили. Тренироваться в наблюдательности можно в камуфляже, на улице, в имитационном поле, лесу. Для этого вы внимательно всматриваетесь в окружающее, а потом, отвернувшись, перечисляете все, что вы заметили. Наблюдательность, хорошая зрительная память всегда пригодятся, а особенно в военной обстановке.

В редакцию «Смены»

Мне интересно узнать ваше мнение по одному, пожалуй, все-таки спорному вопросу. Почему издалека.

Я знаю, что зависть — скверное чувство. Но я знаю, что завистью людям, которым больше всего хочется, завидуют за другими. И обычно бывает так: не проходит и двух часов, а уже карьерно над сочинением, передо мной переписанные записки по алгебре, мемуарные заметки стряпани, а он уже тут как тут. Он все сделал, он свободен, как автор.

Так повторялось довольно часто. И мой товарищ пришел к такому выводу: «Человек должен работать в меру своих сил. Ты платишь, мужчинам над сочинением по войне и миру три часа, вместо того чтобы писать, как пишется. Такие вещи надо делать легко, а если не выходит, ну что же — в своем доме не переписывать. Сначала я возмущался, а потом побоялся. Действительно, у каждого человека есть, употребляя термины летчиков, свой «потолок». Предел, выше которого человеку трудно. Это будет примерно так, в конце концов, а с ним согласен».

Алексей Ф.

Москва.

Зря вы с ним согласились. «Работать в меру своих сил, не прыгать выше головы», — конечно, так оно удобнее и спокойней. Но, что лежит рядом, достать всегда легче, чем то, что находится дальше. Но обычно большую цену имеет именно то, что лежит далеко и стоит труднее и усилей. Нет, самый легкий путь далеко не всегда самый правильный!

Вы говорите: «У каждого человека есть свой «потолок». Что же, это, пожалуй, верно. Но кто может с уверенностью сказать, что он видит свой «потолок», что он знает границы своих возможностей. Иной раз человек совершает что-нибудь очень трудное, и участвует в тяжелом походе, или, наконец, просто заучивает немецкие спряжения. И вот ему кажется, что он уже исчерпал все свои возможности, достиг предела, на большее он неспособен. «Потолок!» Но вот еще одно услышанное, я, глядя, прозвучавшие дальше. «Потолок» поднимается. Выходит, что высота этого «потолока» все-таки зависит от самого человека. Значит, для того чтобы проверить свои возможности, надо работать на полную мощность.

А вы с нашим товарищем хотите ограничить собственные возможности — «взвешать как пишется, работать в меру своих сил». Делать это, что дается легкой Человку было бы неинтересно, зато летать в высоту по году, в тихий солнечный день, по извилистой, проторенной трассе. Но он выбрал ночь потемней, погоду туманней, он вскарабкался на вершину, согнулся и начал выполнять свою норму работы посылки, но он тоже пошел по пути, который требовал колоссального напряжения всех сил.

Вольные живны много большевика. В юности, когда определялся жизненный путь, каждый из них выбирал самую трудную дорогу, хотя многие могли бы великолепно прожить со всеми удобствами, не подвергая себя опасности и опасности не прожигая ночи над «Кантаглом Маркса».

Малковский хорошо сказал:

«...где, когда, какой, какой лучший вариант, чтобы проигнорировать, бы делал».

Пусть вам не кажется, что через отдаленности это сравнение вашей школьной учебы с делами больших и прославленных людей. Суть ведь в самом подходе к своему труду, в том, какой выбрать путь: тот, что «пространствен и легче», или путь наибольшего сопротивления. Такой выбор стоит перед каждым человеком, что бы он ни делал: добывая ли уголь, совершая великий подвиг или писал сочинение по войне и миру.

Ваш товарищ утверждает, что человек не должен чрезмерно утруждать себя, ему все должно даваться легко. Но наперекор можно сказать: то, кому все дается легко, делает много меньше того, за что способен.

Вы советский человек, живете в Советской стране. И это обязывает вас выбирать путь наибольшего сопротивления и то, что вы делаете, делать наилучшим образом. А это значит трудиться в полную меру своих сил.

Дорогая редакция! Ответьте, пожалуйста, кого можно считать счастливым человеком и что такое воодобие счастья.

Клара Гварьялова

91-я школа, Москва.

Отвечая вам словом одного 17-летнего юноши: «Счастлив считает самым счастливым того, кто сделал счастливыми наибольшее число людей.» Юноша, сказавший это,— Карл Маркс.

Я избрал эрипротом совсем недавно. И уже составил план работы комсомольца. Вкратце. Вкратце сообщить вот к чему: в первые две недели мы организуем борьбу за отличную учебу; прикроем сильных в отставках, вывесим доску учета успеваемости и т. п.; в следующие две недели организуем физкультурную работу, создадим команду комсомольцев, лыжников, бегунов; еще через две недели пригласим за помощь работу; потом начнем устраивать различные диспуты, доклады. План составлен на два месяца. Я подробно всего не описываю, мне важно узнать, правили ли он в принципе.

Григорий Лавицкий

Харьков.

Все это очень хорошее, важное и нужное дело: и помочь отсталым, и военно-спортивную работу, и доклады, и диспуты,—но нельзя выстраивать их в такую последовательность. Среди многих организованных дел комсомольской группы есть такие, которые, никак нельзя втиснуть в две недели. Например, учеба. Смотрите, что у вас получается: в первые две недели вы заботитесь о том, чтобы в классе не было плохих отметок. Но прошли эти две недели—и учебно отпала на задний план. И вот вы видите, как комсомольцы начинают заниматься этой учебой—это не кампания: она требует непрерывного внимания комсомольцев.

То же самое получается и у нас и с военно-спортивной работой. Неправильно заниматься ею в течение только двух недель. Комсомольцы должны заботиться о физической закалке и военной подготовке постоянно, непрерывно этой учебой—это не кампания: она требует непрерывного внимания комсомольцев.

Таким образом, главный недостаток вашего плана в том, что вы не выделяли самого важного и основного в работе комсомольцев, тут же самым делом характер кратковременных кампаний.

— Где тут маскировка? Далеко?

Бой на рашпире Вышпольского (слева) и Булочко. На заднем плане — тренер Вышпольского со сложившей мастер спорта Климов.

Чемпион СССР по рашпире и эспад-роу лейтенант В. Вышпольский.

ЧУВСТВО КЛИНКА

В. ВИКТОРОВ

Двойка есть двойка, появляясь ее в зачетнике — считается плохой оловкой. И тем обиднее было Владимиру Вышпольскому, что по основным предметам он имел отличные отметки, а двойку получил по фехтованию.

— Что из нас, мушкетеров готовит или преподавателей фехтовальщиков? — возмущался Вышпольский. — Кто я: Портоз, Атос или Арамис? Прощай, кажется, времена рыцарских дуэлей. Ну, нет у меня чувства клинка, и basta.

Все же, отвел душу на ии а чем непонявших героя Дюма, пришлось позлудать о том, как исправить огметку.

— То, что написано пером, не вырубит топором, — сказал ему, помянувшись, преподаватель фехтования. — Но острим эспадриона вы все же сможете удальить двойку из зачетной книжки.

— Как же это сделать? Вел курс фехтования закончил.

— А вы поспойте вечерние занятия.

В маленьком фехтовальном зале Вышпольский познакомился с коренными, широкоплечим человеком. У него была высокая выразительная, круглая подбородок бода. Прямо, как лезвие эспадриона, пробор разделял его неселедующе волосы. Это был Климов, кутумовый поборник фехтовальной школы. Суровый и промолчелый нрав его Вышпольский узнал в первый же вечер. Климов ругал его без передышки: и за медлительность в парировании ударов и за отсутствие того боевого огня, который пробегает по жилам настоящего фехтовальщика, как только он касается рукоятки благородного оружия. Каждое слово учителя было то уколком рашпира, то ударом сабля.

Климов был учеником знаменитого итальянского фехтовальщика Боноро, которого вывели в Россию и платили большие деньги за то, что он передавал секреты векового искусства несомленным российским спортсменам. С тех пор в тебоние традиции

лет Климов вел бой и учил молодежь горячо владеть холодным оружием.

Неожде давалось Вышпольскому искусство фехтования. Пожалоуй, труднее всего постигал он атаку с дальней дистанции. Движение ноги обомало руку, а это выдало атаку в самом ее зародке. В защите у Вышпольского не было автоматам ответного удара, не было, как говорит фехтовальщик, ршста.

Но постепенно он стал привыкать к клинку. Телом ему уже не казалось преудачливым, что один из классиков клинка, Вильям Сендзо, называл фехтование точнеешим из самых тонких управлений современной атлетикой. Это древнее искусство имело огромную литературу. И миланский мастер Флоре дел Либеря, написавший в 1410 году трактат о фехтовании, уже тогда знал немалыми меньше чем нынешние мастера эспадриона и рашпира.

В чем же сила и очарование этого спорта? Вышпольский наделав стеганую на вете куртку, натягивал ршпичатую маску, брал в руки эспадрион, сгибал правую руку, саловал клинком, и вот клинок в контакте... Скавката, звон стали, удары, наносимые с такой скоростью, что напряженный бой зепоничающим челомку кажется какой-то мимовенной вспышкой.

Для того чтобы сдать азовое зачет по фехтованию, Владимир Вышпольский должен был провести несколько боа. Как раз происходил общенациональные соревнования. Оинто и была переизмененой для Вышпольского. На месте азовоулочной двойки а его зачетной книжке появлялась петерка. Теперь можно было ршстаться с фехтовальным залом. Но Вышпольскому уже не хотелось выпускать из рук эспадриона.

Он продолжал посещать занятия, слушать сердитые замечания Климова. Однажды Вышпольский поинвоился с рашпир-рой аррианной погоней фехтовальщиков ари. Рашпир

чужды рубящие удары эспадриона. Только укол — вот в чем мастерство. Только укол в небольшие по размерам вырезанное пространство, от сгиба локтя до груди — вот в чем секрет древнего мастера. Так поинвоился Вышпольский это удивительное круговое движение четырехгранного клинка.

Слусть пять лет — в конце ноября 1940 года — Харьков приехали полковник Климов и лейтенант Вышпольский. В эти дни в город со всех концов страны съезжались фехтовальщики. В чехлах а бутлах хранились боевые сабли, эспадрионы, рашпира, сабли и штыки.

Каждый год собирается фехтовальники все вместе, для того чтобы скрестить на боевой дорожке оружие. Последние два года побеждал ленинградцы. Будого. Он пытался приобрести новые поинции и смело менял азовное круговое движение рашпира на вертикальное, сверху вниз.

Это был серьезный противник, с ним не раз сталкивался Вышпольский. Будого предпочитал в бою активную защиту, но при малейшей оинности противника молниеносный вывал закрывал уколком. Оружие было инстинктивно оиндланой и тешрой его руке. Он все же Будого должен был пронрвать, потому что он придавал слишком большое значение защите и экспериментировал там, где раз и навсегда были установлены самый природой клинка азовые поз. Пряма, секунда, терция, quarta, quinta, sexta, октава! Восемь звуковых латинских слов. Из этих-то восьми элементов и состояло все искусство атакующих и защитных движений. Это была азбука фехтования. И, по мнению Вышпольского, мастерство фехтовальщика заключалось в том, чтобы пользоваться ими так же непринужденно, как мы пользуемся буквами, когда пишем.

В первый день разыгрывались рашпира. В финал вышли восемь человек. Если бы все они были встретились с другим Победителем тот, что первый наносил пять уколов. Противники были серьезные. Здесь были аловские фехтовальщики по гаше с Ливонией — бойцы знаменитой царской школы, с латинской любовью к шаге. Здесь были и испытанные мастера Аркадия и Мордванов — тот самый педагог Мордванов, который пять лет назад преподавал Вышпольскому азбуку по фехтованию. Здесь был, наконец, и Булочко.

Бой с ним оказался самым напряженным и решающим. Как астретические разряды по-трессивала клинка. Шаа разведка. Словно сетку защитной маски видно было плоть к открытым губам и свинувшиеся арччи ленинградца. Неожде двинулся рашпир а его сильной руке, но сегодня и Вышпольскому клинок был послушнее, как никогда.

Булочко сделал шаг вперед, словно готовился к атаке, и в этот момент Вышпольский ушел к атаке, и в этот момент Булочко оторос судей. Укол засчитан. Булочко ответил атакой и провор подарил три удара. Бойцы поменялись местами. В тот момент польский переключил другую сторону дорожки, он вспомнил бой с турецкими фехтовальщиками, их молниеносные атаки стрелой и решил именно так вести бой. Там тогда вылаз Булочко коснуться его груди, и три раза клинок Вышпольского останавливал эти атаки. Три укола были отбитыми, а затем проведен решающий, пятый.

Так был выигран бой, и никто уже не смог удержат победного шествия Вышпольского. Ни львовия, ни ленинградцы, ни харьковчане. На следующий день лейтенант Вышпольский — преподаватель военного факультета Центрального института физической культуры имени Сталина — выиграл первенство по эспадриону, потом занял третье место по штыку и в суровом бою с Булочком оказался также чемпионом по тробриону.

Его руки были все в синяках от азартных соревнований ударов. Тело пересекли желтые, оранжировые полосы. Он потерял за несколько дней шестнадцать килограммов. Такой огромной затрате нерых и физических сил требовал тот, на что человек способен и короточный бой.

А в это время Давид поздравил уже в последний страдце.

Гроздь гнева

«Гроздь гнева», роман американского писателя Фредрика Диксона из крупнейшей прозаической современной зарубежной литературы. Диксон Фредрик, писатель большого таланта, не побоялся осветить уродливые стороны явления капиталистической действительности. Вот почему выход его романа произвел такой перелом в Союзинских кругах Америки. Реакционеры объявили поход против книги Стейбека: ее заглавие вычеркнули из библиотечных каталогов, роман изъяли из обращения, превалили уничтожением. В городе Чикаго вековой католический поп, Дэй Смит, пригрозил своим прихожанам отлучением от церкви за чтение еретического романа. Зато среди трудящихся и передовой интеллигенции «Гроздь гнева» взрывает асторожные приемы.

Роман Диксона Фредрика является теперь в русском переводе «Госпиталью». Для советской молодежи эта книга в высокой степени поучительная: потрясает силой и правдивостью описан в ней сегодняшний день капиталистической деревни.

В поле лица трудятся американский фермер на клочке земли, на котором хозяйничает его дед. Но земля перестала быть его собственностью, она уже давно оползла к банку. Фермер превратился в арендатора. Достаточное количество неурожайного года, когда нечем внести очередной взнос в банк,— и с землей приключается окончательное расставание. Безземельные остаются в слезах: банк—бездельное чудовище, не знающее жалости.

Приглашенные банком тракторы захватывают фермерские участки, рушат изгороди и колючки, проламывают стены агропатристического амбара. Арендатор захватывает за охотничье ружье, но в кого ему стрелять? В тракториста? Тракторист—человек подневольный. В трактор? А разве трактор—это человек? Разве в той слезе, которая проливает данные борозды на землю, есть что-нибудь дурное? Если б этот трактор принадлежал нам, тогда было бы хорошо — не мне, а нам. Если б наши тракторы проходили длинные борозды на нашей земле, тогда было бы хорошо. Не на моей земле, а на нашей. Мы любим бы этот трактор, как мы любим эту землю, когда она была наша.

Гнев, накопившийся в душе, не находит исхода. Человек музительно размыслил о том, что является причиной его бедствий. Ему предстоит испытать немало испытаний, прежде чем он увидит их истинного виновника—капитализм.

Сотинные ко своим участкам, арендаторы решают добраться в солончужую Калифорнию, где земля дает богатые урожаи и где они надеются получить работу. Тут джесс и трудяги, но выбора нет.

Читатель «Гроздья гнева» со-

вершает дальний путь из Охалайо в Калифорнию вместе с семьей Диксона. Диксон—общинный арендатор, каково попадаются на американских дорогах в неслетном количестве. Но писатель нашел право красной для каждого члена этой многочисленной семьи. Опора семьи — мать и ее любимый сын Том. Это люди трудолюбивые, заботливые, благородные. Мать бесстрашно привирает на свои плечи все горести, постигающие семью.

Двое самые тяжелые бедствия не могут сделать Диксонам глумились и разволнованным к чужим несчастьям. Диксонам неизменно готово поделиться последним куском — если более обязательными. «Если у тебя хлеба,—говорит мать,—если ты в нужде, если тебя обидели—иди к беднякам. Только они и помогут—большие аисты». Высокая человечность этой морали подчеркивает бедняков на их скорбном пути.

Семья Диксона — песчинка в огромном потоке людей, выброшенных на большие дороги Америки. Эти люди едут в набитых вагонах машинных вагонов—бездельные и голодные; двадцать тысяч, и пятьдесят тысяч, и сто тысяч, и двести тысяч. Они движутся через горы голодные, бесконечные—бесконечные, как муравьи; спешат скорее добраться до работы—носить, толкать, собирать, таскать, развозить, что у них есть. Любое явление—лишь бы заработать на хлеб».

По мере того как люди удаляются от насиженных мест, тянут цепями в дорожные вагоны. Старик не выдерживает дитящей, их хоронят при дороге, и человеческий поток устремляется дальше.

Где-нибудь на окраине города или на берегу реки усталые путники устраивают привал. В таких местах вырастает «цветное горошко» — шашни из кусков картошки и фасоли, яичных долек и весенней ветчины. Американцы называют такие городки «универсиями» — агролами Гувера, по имени Герберта Гувера, президента Соединенных штатов Америки в годы большого кризиса. Обязательство «универсия» вынуждено существовать в бесплодных полях работы.

Принятые везде нехватали. Местные обыватели встречают их в пыльном, опасаясь, как бы не пришлось искать эту армию нищих. Вооруженные черкесовские банды и колмешские отряды ищут малайского повода, чтобы унизить слабых над пришедшими, ищут их, сводя их жалкие явучки. И в дуэлях арестантских, обездоленных людей нарастают гнев.

Вот, наконец, долгожданная Калифорния, чудесный край фруктов садов и виноградников, оторочка и сливовые плантации. Но капитализм превращает его в отчужденный край в подлинный ад. Земля, сады, плантации — все принадлежит в Калифорнии крупным капиталистическим фирмам.

Эти фирмы платят столь ничтожную заработную плату батракам-сезонникам, что даже во время уборки урожаев им едва удается выжить, делая на протяжении всего К тому же ищущие работу ходят всюду толпами. Хозаева эти пользуются и еще больше свиваюк зароботку.

Былые фермеры, ставшие пролетариями-батраками, пытаются бороться с помощью стачек. Хозаева вызывает полицию. Забастовщики разбиты, сломаны души. Иерей, их вожаков убивают. Двойные ставки привлекают в забитые штррейбродеры. Стачка слом-

лена, но в ходе борьбы немало людей впервые пришло к сознанию того, что еще раньше выразила так в разговоре с Томом: «Я один-одинешенький драться. Выбравши тебя, точно больше поговоришь. Как бы ты согласился с мостом, воедвесе, сто тысяч. Если б мы все ородевали, Томми,—да показали бы себя вливаю,—тогда нас ве затривит...»

В сердцах миллионов трудящихся зреет гроздь гнева. Это с большой силой высказано в своем агрономическом романе Диксон Фредрик.

Б. ИЗАКОВ

Непотухающая энергия

«Физически потерял почти все,—писал Николай Островский в приложении к рукописи романа «Как закалялась сталь»,—остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу». Этим страстным желанием, этой энергией молодости пронизано каждое слово «Речей, статей, писем» писателя, включая недавно отдельной книгой.

Возможность работать, творить делала большого Островского счастливым. «Был личная трагедия,—писал он,—отсутствие карьеры, неповторимой радостью творчества и сознанием, что и твои руки кладут кирпичи для создания нами прекрасного здания, имя которому — социализм».

Жизнь есть борьба, жизнь — преодоление трудностей. О ярком, неукротимом, могучем духе говорит все писем и высказывания писателя. Островский не мог мириться со спокойной, размеренной жизнью. «На кой черт она мне случалась, если только жить для того, чтобы существовать». Этот человек, прикованный к постели, глубоко ненавидел былые сонных, безразличных, размытых, как колоды, как у рыб, кровяных. Не мог понять он и тех физических крепких, здоровых людей, от которых веет пессимизмом, людей, скучающих в такое напряженное, замечательное время. «Я никогда не жил такой жизнью и не буду жить!» — восклицает Николай Островский. Полнейший смысл жизни он видел в постоянном учении, в муштвованном преодолении трудностей, в неустанном стремлении вперед, в упрямейшем труде. Труд Островский считал благороднейшим исцелением всех недугов.

Во всех реках, статьях и письмах членство ярче выстукает решимость и требовательное отношение Н. Островского к труду писателя и к своему собственному творчеству. «Я самый злобный и придирчивый из всех своих критиков», — с полным правом говорит он. Когда на заседании президиума

Союза советских писателей обмуждалась первая книга романа «Рожденные в борьбе», Островский предложил отбросить по ней критический отзыв; автор должен полностью отвечать за свое произведение «как художник и как коммунист».

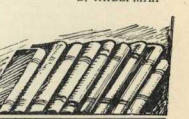
Критика должна помочь автору делать свои книги совершеннее и лучше. «Пусть книга будет меньше, но они должны быть ярче. Большой книги нет места на книжной полке. Нельзя воровать время у честного труженика, его отнять».

Большой теплотой проникнуты письма Николая Островского к матери, отцу, брату, к друзьям. С бесконечной нежностью обращается он к своей «слабой труженице» — матери. Он умоляет ее беречь себя: «Я прошу тебя, моя родная, очень прошу и даже требую, чтобы ты не несла никакой тяжелой работы». Теперь, когда твои здоровье окончательно разрушилось,—так продолжает нельзя».

Большой писатель жил напряженной, интенсивной жизнью, интересовался всем, что происходило вокруг. Он спешил жить и работать, чтобы успеть как можно больше сделать хорошего и полезного для своей страны, для своего народа. «Я счастливый парень!» — писал он своим друзьям 26 апреля 1935 года. — «Дождь до такого времени, когда некогда дыхнуть, когда каждая минута дорога... Приложите руку к моему сердцу, оно гонит 120 ударов в минуту... До чего у нас стало хорошо жить на свете!»

О необычайной целеустремленности, о воле, о величайшем упорстве в достижении цели говорит книга, вышедшая издательством «Молодая гвардия». Эта книга — яркий документ о человеке, сумевшем силой воли, убежденности, любви к жизни преодолеть тайные страдания. Это книга о мужественном боге, сумевшем на смертном одре воскликнуть «Да здравствует жизнь!»

Б. ЛИБЕРМАН

1 Отрывок из романа «Гроздь гнева» был опубликован в № 2 «Огонька» за 1940 год.

КАК ЖИВУТ СЛОВА

АЛЬМАНАХ

Пустыня. Безжалостное солнце. Медленно, как будто боясь потревожить живой сон пустыни, двается караван.
Но вот оазис — островок свежей зелени. Радостно слышат к нему усталый караван. Верблюды привычно подгибают ноги, опускаются на козлы — они привыкли к оазису — и в долине спешатся.

«В чаше six недель раскинулся стог.
Куршанье звучит надвигаясь волною,
И тордо гоним махровой главою.
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студийный ручей».

Эта история каравана и называлась альманахом, что по-арабски дословно значит «там, где сплывают колоны» (речь шла о верблюдах).

Ночью, отходя на альманахе, человек смотрел в небо, усеянное ириси, мерцающими звездами. И думалось ему, что они, эти звезднато-золотые звезды, так же, как караваны по пустыне, движутся в темной небе. Небо и светила были календарем человека, его часов. Он хорошо знал пути звезд. Заметил, что и неугасающие светила иногда как бы приостанавливаются в своем движении. С этими остановками и изменениями в направлении пути светил было связано у него много примет и поверий. И он стал их тоже называть альманахом.

Обобщенное название «альманах» появилось в названии книг всей жизни: смену времен года, земледельческих работ. Вот почему слово «альманах» переходит во все европейские языки с новым уже значением — календарь.

В XII веке стали выходить альманахи (календари), в которых указывалось время восхода и захода солнца, фазы луны и т. п. Постепенно материал этих альманахов все расширялся. С начала XVI века они дополняются сведениями о движении комет, ирриарх, кометы, метеоры начинают различно полезные советы, потустыньские истории и т. д.

Календари приобретают огромное распространение и становятся едва ли не единственным чтением во многих глухих углах. Такой календарь еще и в XIX веке описывает Онегин в шафю своего покойного

дядьки: «Стари, имея много лет, в ямке книги не гадал». Вспомним также горячий спор Хлестовой с Фомушкой в «Горе от ума». Фомушок поднимает свое личное суждение на календарь. Это название своей календаре Хлестовой, ставило поговорой: «Все врут календари!».

Многие альманахи жили десятилетиями. Так, «Альманах Белого Бариса» издавался более 50 лет. Во время революции 1879 года во Франции альманахи делались армейской горной политической борьбы. Каждая политическая партия издавала свой альманах. Таковы «Альманах социалистов», «Альманах честных людей» и др.

Первым русским литературным альманахом были «Альманах Кавказский» (1795—1797 годы), а в первой четверти XIX века у нас появляется несколько альманахов. Причиной этому особые. Царское правительство недоброжелательно относилось к изданию журналов, поэтому можно было издавать «альманах». Разрешения на выход новых журналов давались очень неохотно. Поэтому журналами того времени часто притягивали под вымышленным альманахом. Особенно интересны альманах дебарбатов К. Ф. Раевского и А. А. Вестуева «Полярная звезда» и альманах Дельвига «Семилетие црель», в котором участвовали и Пушкин.

История слова «альманах» подробно рассказывает проф. В. Каванский в своей книге «Приключения слов».

И. Мамонский

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель

КОМПОЗИЦИИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Задача № 176   Задача № 177   Задача № 178
В. Гринин (Харьков)   И. Хаустов (Белосток)   И. Хаустов (Белосток)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Легко построенная задача № 176 содержит лобовую задачу, основанную на связывании белого ферзя. К сожалению, первый ход очень бросается в глаза. Задача

№ 177 и № 178 являются бизанскими. Дублирование одной только пешки оказалось достаточным, чтобы решения обеих задач были вполне различными.

РЕДУКТОРНЫЙ ФИНАЛ

2. Ke1 — f3
3. Kb1 — c3
4. Cc1 — g5

f7 — f5
Kg8 — f6
Cf8 — e7

Как показывает название голландской защиты.

5. Cc5 — f6
6. e2 — e4
7. Kc3 : e4
8. Kf3 — e5
9. Cf1 — d3
10. Fd1 — h5

Ce7 — f6
f5 : e4
b7 — b6
0 — 0
Cb8 — b7
Fd8 — e7

Как показывает этот ход, черные не разгадали замысла противника, который задумал интересную комбинацию. Дальнейшие события

разворачивались с молниеносной быстротой:

11. Фh5 : h7 +!!
12. Ke4 : f6 +

Kg8 : h7
Kf7 — h6

Начало многообразное странствие короля.

13. Ke5 — e4 +
14. h2 — h4 +
15. e2 — g3 +
16. Cd3 — e2 +
17. Jh1 — h2 +
18. 0—0×!

Krh6 — e5
Krg5 — f4
Kf4 — f3
Kf3 — e2
Krg2 — g1

МЕНЬШЕ ДВАДЦАТИ ХОДОВ..

Обычно турнирная партия насчитывает 35—40 ходов. Однако известна турнирная партия, в которой было лишь... 2 хода. Она была сыграна в конце прошлого столетия двумя немскими шахматистами. Черные начали партию по 1, f2—f4, 2, g2—g4. Но раз встретились в турнирной партии по 10—12 ходов. И даже сейчас, когда все доброты следования теоретиками чуть ли не до 15—18 ходов, встречаются в серьезных турнирах партии-минимумы.

В 1935 году на международном турнире в Москве гроссмейстер Рудольф Шпильман измучился был уже 11-м ходом замысли комбинацию.

В претензионном турнире московских мастеров с участием американского гроссмейстера Р. Файна мастер М. Юдович выиграл у американца такую партию:

Белые — Файн   Черные — Юдович
1. d2 — d4   d7 — d5
2. c2 — c4   e7 — e6
3. Kf1 — c3   Ke8 — f6
4. Kc1 — f3   e7 — e5
5. Ce1 — e5   c5 : d4
6. Kf3 : d4   e6 — e5
7. Kf4 — b5   . . .

Файн сделал эти ходы почти без раздумий. Он не раз применял их в турнирных партиях. Однако

могущественно подготовил неожиданную сюрпризы.

7. . . . .   a7—a6!
8. Kc3 : d5   . . . . .

Людям было сыграть 8, Kc3, хотя и после этого позиция черных лучше

8. . . . .   a6 : b5
9. Kd5 — f6 +   Фb8 : f6!
Этого белым не ожидали.
10. Cg5 : f6   Cf8 — b4 +
11. Фd1 — d2   Cd4 : d2 +
12. Kc1 — f6   . . . . .

И черные, имея лишнюю фигуру, выиграли.

Во всеозонном турнире жандальтов в мастера (1940 год) выступили в качестве «симулянтора» мастер Беллачев в 15 ходов замысловатый сыльный игрок Волка.

Белые — Волк   Черные — Беллачев
1. e2 — e4   e7 — e5
2. Cf1 — c4   Kc8 — f6
3. d2 — d3   c7 — e6
4. Фd1 — e2   Cf8 — e7
5. f2 — f4   d7 — e5
6. e4 : d5   0 — 0
7. d5 : c6   Kd8 : e6
8. . . . .   e5 : f4

9. Фe2 — f1   Jf8 — e8 +
10. Kpe1 — d1   Kf6 — e5
11. Kf1 — d2   Kf5 — g4
12. Фf1 : f4   Kg4 — c4
13. Kd1 — e2   Kc3 : c4
14. Kd2 : a4   Фd8 : d3 +
15. Kpe2 — e1   Kf6 — f3 ×

Партии-минимумы полезно помнить, чтобы самому не попасться на подобный вариант.

Трудный ход.

На обложке: Иван Самощенко, ученик 28-го ремесленного училища (Москва). Фото И. Гуциня; на обороте обложки: на лыжах в горных Какава. Фото В. Руйковича. Оформление номера В. И. Урина.

Ответственный редактор М. Г. Осинов.

Зак. 4307.

Тираж 4500

А 3564

Подписано к печати 29/1 1941 г.

Изд. № 79.

Формат 72 × 100 см. 4 п. л. 98 000 зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 2 рубля

